

И 90

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

9

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ



ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

1940

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АКАДЕМИИ НАУК СССР

А. Л. ПОПОВ

ИЗ ИСТОРИИ ЗАВОЕВАНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

1. НАКАНУНЕ ЗАВОЕВАНИЯ

Еще в августе 1853 г., когда царские войска, готовясь к штурму, осаждали кокандскую крепость Ак-Мечеть, оренбургский ген.-губернатор Перовский в переданном коменданту крепости письме заявил, что он «пришел взять Ак-Мечеть, построенную коканцами на русской земле для притеснения киргиз, наших подданных».¹

Известно, что твердых границ среднеазиатские ханства в рассматриваемую пору не имели. Не имела их и царская Россия в своих владениях, граничивших с этими ханствами. Царское дипломатическое ведомство в течение всех предыдущих десятилетий считало, что отсутствие твердой границы в этом районе полезно, что в интересах России отложить проведение пограничной линии на возможно более долгий срок.² Еще до своего утверждения в устье Сыр-Дарьи (1847 г.) оренбургские власти исходили обычно из мысли о том, что река Сыр-Дарья является границей, отделяющей русские владения от хивинских.

Хивинские ханы на территории, лежащие по правому берегу Сыра, в ту пору особых претензий не предъявляли. В начале же 50-х годов Хива стала утрачивать свое бывшее влияние и на левом берегу реки — ее вытесняло отсюда воистинное Кокандское ханство, политически консолидировавшееся в первой половине XIX в. в Ферганской долине и развернувшее свою экспансию в северном и восточном направлениях.

Еще в 1810 г. Алим-ханом был завоеван Ташкент. В 1819 г. премьер-министр Алим-хана Омар дошел до Туркестана. Коканцы проникают в Илийский край. В борьбе с бухаритами и кичаками коканцы отстаивают свою независимость. Они возводят укрепления вдоль северного склона Александровского хребта, между реками Талас и Чу, и облагают податью кочующих там киргизов.³ Они стремятся овладеть Ура-Тюбе и Джизаком и снова вступают в борьбу с Бухарой. Побежденные эмиром (1842 г.) и подчиненные им Бухаре, они скоро освобождаются от власти эмира.

Вытесняя хивинцев с левого берега Сыр-Дарьи, коканцы устраивают ряд укрепленных пунктов и по левому и по правому берегу реки. Здесь они сталкивались с медленной, но неуклонно продвигавшейся к югу царской Россией.

Утверждение русского владычества в водах Аральского моря откровенно перед царским правительством возможность действовать одно-

временно по двум водным артериям — сыр-дарьинской и аму-дарьинской, которые вели и в пределы Кокана и в сердце Хивы. Взятие Ак-Мечети говорило не только о том, что царская политика в Средней Азии вступает в свою активную стадию, но и о том, что развернется она прежде всего именно в направлении Кокана.

Значение Средней Азии, как рынка сбыта русской промышленности, неуклонно росло: за десятилетие 1840—1850 товарооборот со Средней Азией увеличился почти на 40 проц.;⁴ вместе с тем ценностью вывозимого из Средней Азии хлопкового волокна именно к началу 50-х годов второе превысила ценность вывозимой оттуда пряжи.⁵ Правда, главная масса импортируемого хлопка продолжала еще идти по европейской границе (около 90 проц.), но значение Средней Азии, как потенциального рынка сырья, становилось вполне реальным.

Ни русские промышленники, ни русские торговцы не были, однако, удовлетворены этими достижениями. Мало того, они находили, что торговля в Средней Азии находится «в положении совершенно... невыгодном»: «Среднеазиатские торговцы — читаем в обрадовавшейся в министерстве иностранных дел в конце 50-х годов записке — почти исключительно обладали как закупкой русских товаров на месте производства и распродажей их в Азии, так и закупкой на месте среднеазиатских произведений и распродажей их в России». В записке указывалось на «две невыгоды» от такого положения дел: «1) все купеческие барыши от производства достаются на долю одним среднеазиатским купцам; 2) русские товары обходятся среднеазиатским потребителям по самым дешевым ценам, тогда как русские потребители среднеазиатских произведений приобретают их за отсутствием соперничества со стороны русских купцов и по причине стачек между среднеазиатцами, относительно дорого».

Отмечая тот факт, что из-за произвольных пошлин, налагаемых среднеазиатскими ханами на русских купцов (христиан), с 1852 г. вовсе прекратились поездки последних в Среднюю Азию, и русские торговые дома вынуждены были передоверять дело неужесточенным комиссионерам из казакских татар (мусульман), авторы записки приходили к заключению о необходимости прекратить проводимую царским правительством политику покровительства среднеазиатским торговцам и добиваться уравнивания пошлин.⁶

Царское правительство продолжало рассматривать Среднюю Азию прежде всего как плацдарм, удобный для борьбы с Англией.

Среднеазиатская политика паризма еще продолжала развиваться в плане ее функциональной зависимости от близневосточных дел. Но удельный вес среднеазиатской проблемы в неизбежности поднимался. Во второй половине 40-х годов завязывались совершенно новые торговые связи с Кашгаром, который, как торговый центр, имел много преимуществ перед Кахтой и представлял кроме того по своему географическому положению крупнейший политический интерес.⁷

Благодаря «дружественным» отношениям, устанавливавшимся западосибирскими властями с «киргизами Большой Орды» и «дикояменными» киргизами, укреплялся левый, восточный, фланг русских позиций в Средней Азии, располагавший на подступах к Западному Китаю. Бухара являлась попрежнему главным торговым центром Средней Азии. Но после взятия Ак-Мечети Кокан становился лучшим

¹ «Русский Архив», 1879 г., № 8, стр. 442—449.

² МИД, Гл. Арх., I—I, 1850 г., № 92, л. 4. — Весподнян, доклад Нессельроде от 14 января 1850 г.

³ С. Жуковский. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее 300 лет, стр. 157, СПб., 1915.

⁴ А. Семенов. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности, стр. 193—194, 1859.

⁵ В. Юфров. Хлопководство в Туркестане, стр. 1—17, Лгр., 1925.

⁶ «Русский Вестник», 1871 г., XCI, стр. 457—461.

⁷ МИД, Гл. Арх., I—I, 1848 г., № 90, л. 1—22.

путем, ведущим к этому центру. Кокан являлся также лучшим путем для проникновения в Кашгар, к овладению которым стремился к тому же он сам. И наконец — а это для рассматриваемого времени было особенно важно — через Кокан открывался ближайший путь к границам Индии.

Предприимчивому оренбургским войскам накануне Крымской войны походу на Ак-Мечеть соответствовало начавшееся от Семипалатинска продвижение отрядов, находившихся в распоряжении западносибирского ген.-губернатора. Русское владычество распространяется по Зап.-сибирскому краю. Вытягивается новая сибирская «оборонительная» линия.

Сыр-дарьинская и новая сибирская линии, подобно тому, как это было с прежними «оборонительными» линиями, продолжали висеть в воздухе. Между ними находились обширные ворота, лишённые пограничной черты. В 1853 г. западносибирский ген.-губернатор Гасфорд поставил перед правительством вопрос о соединении линий. Но осуществление этой задачи означало продвижение на протяжении около 1000 км. в пределы территории, уже занятой коканцами. Операция эта не могла не быть затратной и должна была привести к военным действиям против непрерывной линии коканских укреплений — Токамака, Пишпека, Аулие-Ата, Чимкента, Туркестана, Джукеса.

Еще в 1851 г. вопрос об устройстве пароходства по Аральскому морю Перовский ставил в прямую связь с возможностью овладения Коканом.¹ Но в конце 1853 г., когда в Петербурге обсуждался проект Гасфорда о соединении линий, надвигалась вплотную Восточная война. В военном министерстве уже составлялись и читались многочисленные записки, авторы которых предлагали различные проекты похода на Индию. Авторы проектов (Дюгамель, Чихачев, Вларамберг) говорили больше всего о молниеносных операциях, проводимых через Персию (ныне Иран), Герат, Афганистан.

Состоявшееся в начале 1854 г. особое совещание призвало реализовать рассчитанного на длительные сроки проекта Гасфорда немедленно. Гасфорду было разрешено ограничиться занятым западной долины и верховьев р. Чу. В том же 1854 г. Гасфорд заложил на реке Алма-Ата крепость Верный и занял войсками долину р. Или в ее среднем течении.

Со стороны сыр-дарьинской линии в годы Крымской войны дальнейшее продвижение не предпринималось. Исход Крымской войны, не расценивший напряженности англо-русской борьбы на Ближнем Востоке, актуализировал среднеазиатскую проблему до предельной высоты. В первые же дни ближневосточного кризиса царское правительство было охвачено тревогой в связи с тем, что среднеазиатский нападением явственно заколебался. Уже в половине сентября 1853 г., через полтора месяца после взятия Ак-Мечети, коканцы разрушили платину Кара-бугут, в результате чего было прервано судоходство по Сыру и укрепления сыр-дарьинской линии оказались разобщенными.² Вскоре после того как Перовскому удалось исправить плотину, появились из степи отряды «мятежного» Исата Кутебарова,³ который стал собирать с рускоподданных казахов займы в пользу хана хивинского.⁴ А через два месяца главнокомандующий хана коканского Якуб-бек с 12-тысячным войском обложил Ак-Мечеть.

8 декабря 1853 г. осажденный гарнизон, состоявший из 1055 чел., предпринял вылазку. Якуб-бек был разбит и бежал.⁵ Но нападение коканцев показало, по словам военного министра, что «мы имеем дело с народом упорным, предприимчивым, который, не взирая на претерпеваемые им потери, может часто и в больших размерах возобновлять свои нападения».⁶ В эту пору приходили тревожные известия о том, что коканский хан обратился за помощью к турецкому султану,⁷ что в Бухаре появились турецкие агенты, которые долги были, примирив эмира с ханом коканским, возбудить Бухару к войне против России.⁸ Далее стало известным, что вернувшийся из Константинополя хивинский посланец привез от султана аналогичное предложение к хану хивинскому — прекратить войну с Мервом, объединиться с Коканом и Бухарой для выступления единым фронтом против России.⁹

Энергичные приготовления Кокана к войне и угроза бухаро-хивинского сближения ставили министерство перед необходимостью послать в Хиву и Бухару официальных агентов для противодействия турецким эмиссарам.¹⁰ Эмир был занят войной с Шахриязом, бухаро-коканские и бухаро-хивинские антагонизмы оказались достаточно сильными.¹¹ К тому же Хива становилась ареной ожесточенной туркменско-хивинской борьбы. Агитация, шедшая из Турции, реальных результатов не дала. Но скоро стала давать себя знать опасность английская. Угроза с этой стороны была гораздо более реальной. Завхитив Синд (1843 г.) и Пенджаб (1849 г.), овладев Нижней Бирмой (1852 г.) и Нагпуром (1853 г.), Англия, прочно утвердась в Индостане, выходила на подступы к Афганистану. После взятия Ак-Мечети английские инженеры были посланы на Гиндукуш для укрощения горных проходов.¹² А во второй половине 1856 г. стало известно о появлении английских агентов в Кокане,¹³ Хиве и туркменских степях.¹⁴ В то же время правитель Кабула Дост-Мохамед, поддерживаемый англичанами, овладел Балхом и занял ряд городов к западу от Амударьи.¹⁵ Шах персидский порывался выступить против афганцев. Англичане же ждали удобного случая, чтобы повести наступление на дружественную России Персию.

Еще накануне Крымской войны (в 1853 г.) Англия удалось превратить начавшиеся между Петербургом и Тегераном переговоры о вооруженном выступлении Персии против Турции. В том же году Англия заставила шаха подписать обязательство не вмешиваться в гератские дела, не чеканить для Герата монеты, не посылать туда войск и не держать там постоянно дипломатического агента.¹⁶ Утвердить свое влияние в Персии англичанам в полной мере не удалось. Им удалось только вызвать «неприязненные против нас действия» со

¹ Там же, лл. 143—145 — Рапорт Огарева от 19/XII 1853 г.

² Там же, лл. 211—214.

³ МИД. Гл. Арх., I—1, 1853 г., № 95, лл. 89—95.

⁴ Там же, I—9, 1852—1868 гг., № 8, лл. 15—17 — Отношение Перовского от 8/I 1854 г.

⁵ Там же, лл. 123—124 — Отношение Перовского от 30/XI 1854 г.

⁶ Там же, I—1, 1854 г., № 96, лл. 16—17 — Всеп. доклад Нессельроде от 30/I 1854 г.

⁷ Там же, лл. 70—73 — Отношение Перовского от 4/X 1854 г.

⁸ ЦВИА, ВУА, № 18, 291, лл. 1—8.

⁹ МИД. Гл. Арх., I—9, 1852—1868 гг., № 8, лл. 106—109 — Отношение тов. предс. Оренб. погран. комиссии от 3/VIII 1856 г.

¹⁰ Там же, л. 111 — Отношение Перовского от 31/VIII 1856 г.

¹¹ Там же, лл. 106—109.

¹² П. Риттих. Политико-статист. очерк Персии, стр. 252—254, СПб., 1896.

¹ ЦВИА, оп. 287, св. 12, 1850 г., № 8, лл. 256—259.

² ЦВИА, ВУА, № 44072, ч. 2, лл. 70—72 — Отношение Перовского от 13/IX 1853 г.

³ Там же, лл. 123—124 — Всеп. докл. военн. м-ра от 7/XI 1853 г.

⁴ Там же, лл. 77—78.

стороны персидских курдов¹ и толкнуть соуджабулакские власти на доставку туркам военного снаряжения.² 29 ноября 1854 г. правительство шаха заключило с Россией соглашение о нейтралитете. А в 1855 г. персидский посланник в Петербурге заговорил снова о русско-персидском военном союзе и предложил даже проект организации совместной военной экспедиции через Афганистан в Индию.³

Это была пора, когда разгорался очередной афгано-персидский конфликт из-за Герата, и шах, нарушив данное им англичанам обязательство, занял своими войсками Герат и готовился отразить наступление поддерживаемого англичанами Дост-Мохамеда.⁴ Персидские войска действовали безуспешно. Но англичане двинули свою эскадру в Персидский залив; к ноябрю 1856 г. ими были захвачены Бендер-Бушир, остров Каракк, Мохаммера и Ахваз на р. Карупе.⁵ Россия оказать персам помощь в эту пору не могла: русский посланник в Тегеране уговаривал шаха прекратить военные действия, а для смягчения отказа в поддержке обещал освободить персидское правительство от уплаты долговых обязательств.⁶ Шах принял предъявленный англичанами ультиматум и 4 марта 1857 г. подписал договор об эвакуации Герата и о предоставлении английским консулам в Персии прав наиболее благоприятствуемой нации. Выдвигая вопрос о консульском праве, англичане стремились прежде всего получить право на учреждение английских консульств в Астрабаде. Горчаков заявил решительный протест против учреждения английских консульств в портах Каспийского моря и особенно в Астрабаде, который рассматривался как ключ к Средней Азии.⁷ Царскому правительству удалось отвести эти притязания англичан, сохранив дружественные отношения с Персией и отразив нависшую над среднеазиатским плацдармом непосредственную угрозу. Но оно пришлось вместе с тем к заключению о необходимости, упрочив свои позиции в Персии (путем отправки русских военных инструкторов), принять срочные меры к укреплению и расширению своего влияния в Средней Азии. Для этого надо было прежде всего не упускать из виду территорий, непосредственно соседствующих с Персией, подумать о территориях, прилегающих к Аму-Дарье и вместе с тем не забыть об Афганистане.⁸ Обязательства благоприятствовали царской России: началось восстание сипаев в Индии.

В середине 1857 г. русский военный агент в Лондоне, полк. Игнатьев, был вызван царем для доклада о деятельности английской агентуры в Азии. Игнатьев представил проект организации экспедиций в Афганистан и по Аму-Дарье «для изучения края и подступов к Индии». «В случае разрыва с Англией — замечал Игнатьев в одной из своих записок — только в Азии можем мы вступить в борьбу с нею с некоторой вероятностью успеха и повредить существованию Англии». «К тому же — добавлял Игнатьев — Азия — единственное поприще,

оставленное для нашей торговой деятельности и... нашей промышленности, слишком слабой, чтобы войти в успешное состязание... с другими государствами». Необходимо было, по мнению Игнатьева, «заладить Аму-Дарьей, если не фактически, то политически, учредив плавание по этой реке и в конце концов с этой стороны угрожать Великобритании».¹

На заседании Особого комитета 4 января 1858 г. было решено послать две экспедиции: одну, «научную», во главе с Ханьковым, в Афганистан; другую, дипломатическую, во главе с Игнатьевым, — в Хиву и Бухару.² Экспедиция Игнатьева должна была следовать через Оренбург к Чернышев залив на Аральское море, оттуда на судах аральской флотилии к Аму-Дарье и, обследовав устье реки, двинуться вверх по Аму, если на то последует разрешение хана хивинского. Из Хивы Игнатьев должен был отправиться в Бухару. С обоими ханствами предполагалось заключить торговые договоры.

20 апреля 1858 г. Игнатьев выехал из Петербурга. 13 июня миссия Игнатьева в составе 117 человек, перешла через Усть-Урт, подошла к Чернышеву заливу и встретила здесь с пароходом «Перовский», шедшим под командой кап. Бутакова. В эту пору старая хивинская столица Куля-Ургенч была осаждена туркменами, восставшими против власти Хивы. Провозгласивший себя ханом номулудским Ата-Мурад вступил с Игнатьевым в переговоры о принятии туркмен в российское подданство. Чтобы не вызвать подозрений у Хивы, Игнатьев решил держать путь на Кунград. Однако хивинцам удалось перехватить письмо оренбургского ген.-губернатора Катенина к Ата-Мурату. «Перовский» не получил разрешения идти вверх по течению. Обследовав дельту Аму, Бутаков отплыл в Аральское море. Игнатьев со своей миссией продолжал путь по правому берегу реки. 19 июля миссия прибыла в Хиву. Хан принял ее враждебно. Из-за отсутствия судов флотилии миссия не могла сноситься с Оренбургом. Положение миссии становилось «тяжелым», «затруднительным» и даже «опасным». Игнатьев передал хану царскую грамоту и вступил в переговоры о заключении соглашения. В числе прочих хану были предъявлены требования о свободном плавании русских судов по Аму, об учреждении в Хиве русского торгового агентства и об установлении единой 2½%-ной пошлины для русских товаров. Хан со своей стороны потребовал установления твердой пограничной линии и признания своих прав на Усть-Урт до Эмба, на левый берег Сыр-Дарьи и на воды Аральского моря. Игнатьев угрожал, заявляя, что Россия предъявит требование возмещения убытков за все разграбленные караваны за время с 1841 г. Соглашения на пропуск судов хан категорически отказался. После бурных объяснений, ничего не добившись, Игнатьев покинул Хиву (31 августа 1858 г.).

23 сентября Игнатьев вступил в Бухару. Враждовавший с Хивой и Коканом, стремившийся к овладению Балхом и другими афганскими землями, лежащими по левому берегу Аму, эмир искал дружбы с Россией. Игнатьев добился от эмира согласия на установление 5%-ной таможенной пошлины, на устройство в Бухаре караван-сарая для русских торговцев и на пропуск в Бухару неограниченного числа русских купцов. Эмир не возражал против плавания русских судов по Аму. Игнатьев, со своей стороны, обещал ему помощь и против Кокана и против Хивы. Эмир выразил желание приступить совместно с Россией к разделу Хивы.³

¹ Миссия в Бухару и Хиву в 1858 г. фл.-ад. полк. Н. Игнатьева, СПб., 1897

² ЦВИА, ВУА, деп. III Отд., № 37585, лл. 187—189.

³ Там же, л. 215 и сл.

¹ МИД, Га. Арх., I—9, 1854 г., № 10, л. 29 — Докладение Аничкова от 15/V 1854 г.
² Там же, лл. 32—36 — Отношение Аничкова правительству Азербайджана Фирзу от 13/V 1854 г.

³ Там же, I—1, 1855 г., № 96, лл. 12—21 — Всеп. доклад Ниссельроде от 29/I 1855 г.

⁴ Там же, 1856 г., № 97, л. 5 — Всеп. доклад м-ра иностр. дел от 7/II 1856 г.

⁵ Там же, 1855 г., № 97, лл. 155—156 — Денежная Горчакова от 7/XI 1856 г.

⁶ Там же, 1856 г., № 97, лл. 119—122, 149 — Денежная Горчакова от 1/IX 1856 г.; Телеграмма Горчакова в Лондон от 31/X 1856 г.

⁷ Там же, 1857 г., № 99, лл. 46—47, 48—57 — Телеграмма Горчакова Киселеву от 17/II 1857 г.; Денежная Горчакова Лавровскому от 26/II 1857 г.

⁸ Там же, 1841—1860 гг., № 83, лл. 280—282 — Записка Е. Ковалевского (не датирована).

В эту же пору возвращался из своей поездки по Афганистану Хашков, а из Верного под видом торговца пробирался в Кашгар поручик Велиханов.¹ Ханькову было поручено поставить в переговоры с афганцами вопрос о федерации среднеазиатских ханств. Постановка этого вопроса являлась для царского министерства иностранных дел лишь тактическим приемом, рассчитанным на конъюнктуру конца 50-х годов. «Оно высказывало эту мысль владетелям их, — пояснял директор Азиатского департамента Ковалевский в своей записке, составленной в начале 1859 г., — чтобы убедить еще более в желании нашем не ослаблять ханств, но усиливать их, сколько возможно; мы хотели этим доказать, что наш собственный интерес требует того, чтобы поставить оплот завоевательным стремлениям Англии». Для разрешения стоявшей перед ним задачи царскому правительству приходилось на деле идти иными путями. «Нельзя же было министерству иностранных дел — писал тот же Ковалевский — довольствоваться прежнею господствовавшей в нем мыслью, чтобы оставить в Средней Азии как можно более обширное пространство земель, не имеющих нейтральных, не принадлежащих ни той ни другой державе; мысль эта довела до того, что пока мы оставались спокойными и равнодушными в своих границах, Англия подвинулась из Индии до Лагора, завоевала последний, поставила комиссара своего в Афганистане и распространила влияние свое на Герат».²

В те же дни (1858 г.) Энгельс, касаясь вопроса о начинателем продвижения России в Среднюю Азию, писал: «С военной точки зрения огромная ценность этих завоеваний заключается в их значении как ядра наступательной оперативной базы против Индии».³

Демонстративно-показательные проекты борьбы с Англией путем образования федерации среднеазиатских государств были оставлены, как только стали приобретать реальные очертания планы продвижения русской границы к границе англо-индийской через земли, занятые Коканом. Осуществить эти планы царскому правительству удалось, однако, далеко не сразу.

* *

В то время как Игнатьев работал над укреплением торговых связей с Хивой, чтобы отсюда угрожать Англии, оренбургский ген.-губернатор Катенин, смотривший на миссию Игнатьева как на вторжение в компетенцию оренбургских властей, разрабатывал план развития торговли с Китаем через Кашгар и завоевания Кокана. Указывая на то, что вопрос о Хиве является вопросом «второстепенным», и отмечая необеспеченность и слабость новой сыр-дарьинской линии, Катенин в письме к товарищу министра иностранных дел от 6 июля 1858 г. говорил о том, «что оставаться в этом положении мы решительно не можем и что занятие Туркестана и Ташкента есть такая необходимость, от которой зависит как утверждение нашего влияния на среднеазиатские владения, так и само существование сыр-дарьинской линии».⁴

Катенин настаивал на необходимости в течение 1859 г. занять по крайней мере Джулек. В особой записке, представленной царю

в сентябре 1858 г., Катенин развивал те же мысли, причем необходимость занятия Туркестана и Ташкента мотивировал соображениями экономического порядка — удешевлением содержания дорого стоящей сыр-дарьинской линии; для урегулирования же взаимоотношений с Бухарой намечал организацию после занятия Ташкента военной экспедиции в самое сердце бухарских владений.¹ Царь согласился с планом немедленного занятия Джулека, он не возражал против присоединения Туркестана и Ташкента, вопрос же о походе на Бухару имел в виду разрешить в зависимости от результатов посольства Игнатьева. В это же время ген.-губернатор Западной Сибири Гасфорд, указывая на активизацию козачков в верховьях р. Чу, просил разрешения овладеть крепостью Пишпек. И в это же время главнокомандующий кавказской армией Барятинский, отмечая усиленную деятельность англичан в Персии и Туркмени, настаивал на занятии пункта на юго-восточном берегу Каспийского моря и устроит там укрепления под флагом торговой фактории.²

Особое совещание, заседавшее 2 и 9 января 1859 г., признав планы Катенина преждевременными, склонилось на сторону Барятинского, заострявшего внимание на английской опасности.³ Гасфорду было разрешено (на заседании особого совещания 24 января 1859 г.) овладеть Пишпеком. Но реализация этого решения была вскоре отложена на год. На юго-восточное же побережье Каспия была послана экспедиция полк. Дандевилля.

Создававшаяся на Туркменском побережье обстановка не благоприятствовала экспедиции. Еще летом 1857 г. начальник Астрабадской морской станции Лихарев предпринял репрессивные меры против туркмен Гасан-кулинского аула, совершивших нападение на две русские купеческие лодки. Аул успел укрепиться и оказал «неожиданное и сильное сопротивление». Лихареву пришлось его осаждать и брать приступом. Вскоре после этого (28 ноября 1858 г.) Аничков сообщил Горькакову, что «аул наказан и не существует более», что «все двести кибиток, составлявшие его, сожжены» и стоявшие около берега лодки уничтожены.⁴ Действия Лихарева вызвали тревогу у шахского правительства, считавшего гасан-кулинских туркмен своими подданными.⁵ На побережье Астрабадского залива появились английские агенты, агитация которых находила благоприятную почву и среди персов и среди туркмен.

Согласно инструкции, полученной Дандевилем от министерства иностранных дел, он должен был всячески избегать враждебных столкновений с туркменами.⁶ Экспедиция прибыла в Красноводский залив 24 мая 1859 г. Начались переговоры с туркменскими старшинами о поставке верблюдов. Переговоры носили по видимости дружественный характер и сопровождалась угощением и раздатой подарков. Верблюды были доставлены.⁷ Дандевиль произвел осмотр и съемку побережья и острова Челекен и собирался двинуться в направлении к Атреку. У Зеленого Бугра туркмены внезапно напали на табул экспедиции и угнали его. Угрозы, с которыми обратился Дандевиль к туркменским старшинам, действия не возымели. Дандевиль решил применить силу. Он ехал до тла Чикишлярекий аул и уни-

¹ Там же, лл. 246—262.

² Там же, 1858—1860 гг., лл. 20—31.

³ Там же, № 12, лл. 35—47.

⁴ Там же, 1858—1859 гг., № 11, лл. 19, 24—25.

⁵ Там же, лл. 26—30.

⁶ Там же, 1858—1860 гг., № 12, лл. 57—58 — Отношение Горькакова Аничкову от 28/II 1859 г.

⁷ Там же, лл. 4—18 — Репорт Дандевилля от 11/VI 1859 г.

¹ А. Куропаткин. Кашгария. Историко-географический очерк страны, стр. 3, СПб., 1879.

² МИД, Гл. Арх., I—I, 1841—1860 гг., № 83, лл. 280—283.

³ Там же.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XI, ч. I, стр. 366.

⁵ МИД, Гл. Арх., I—9, 1852—1862 гг., № 8, лл. 212—216.

чтожили все принадлежавшие ему лодки с продовольствием.¹ Деньги за угнанный табул туркменскими старшинами были уплачены, но дружба с туркменами дала позую трещину. В то же время, узнав о том, что на острове Челекен находятся пленные персы, Дандевиль решил, с целью укрепления русско-персидской дружбы, потребовать от владельцев острова их немедленного освобождения. Требование было выполнено, но оно вызвало недовольство не только туркмен, но и самих персов: считавшее все туркменские земли до Карабугацкого залива своими вассальными владениями (находящимися в состоянии мятежа), шахское правительство пожаловалось на действия Дандевиль английскому посланнику, и, по совету последнего, заявило России формальный протест. Одновременно лорд Россель потребовал объяснений от Бруншова.² В результате произведенных обследований Дандевиль пришел к заключению, что лучшим местом для устройства укрепленной фактории является Красноводский залив. Но политические результаты экспедиции Дандевиль были таковы, что царскому правительству приходилось теперь предусматривать возможность враждебных действий не только со стороны приатраскских туркмен, но и со стороны обычно дружественно настроенных к России — балханских и красноводских, — и думать об усилении оборонительных средств морской станции на Ашур-Аде.

Для царского правительства создавалась вместе с тем угроза возможного контрвыступления англичан и чрезвычайно опасного в этой связи охлаждения русско-персидских отношений. На заседании Особого совещания 31 октября 1859 г. было решено «предполагаемое устройство укрепления с факториею на восточном берегу Каспийского моря... на время отложить...»³ Не более удачной оказалась относящаяся к рассматриваемому времени повторная попытка царского правительства исследовать русло Аму-Дарьи и утвердиться в низовьях ее. Когда в начале 1859 г. находившийся в России бухарский посланец собирался возвратиться на родину, министерство иностранных дел взяло доставить его на русском пароходе по реке Аму. Капитану Бутакову предписывалось взять на «Перовский» десант, держать курс на Кунград и постараться закрепиться в нем. В Кунграде власть находилась в ту пору в руках вождя хивинских повстанцев — русофила Могамеда-Фаны. Последний опирался в значительной мере на силы туркмен, действовавших против правительства Хивы под начальством Ата-Мурада, хорошо известного оренбургским властям. Бутакову предписывалось достигнуть Бухары, «не извзяя на на какие препятствия», и разрешалось «употребить в случае надобности силу оружия».⁴

11 июня 1859 г. Бутаков с десантом выехал на «Перовском» в Аральское море. В двадцатых числах июля он был под Кунградом. Фиратер оказался мелководным, и пароход не мог двигаться дальше. В то же время переговоры Бутакова с Ата-Мурадом не давали благоприятных результатов: Ата-Мурад отказывался пропускать хивинские караваны, не хотел выдать задержанных русских «киргизов» и каракалпаков и не поднимал, как это прежде бывало, вопроса о принятии туркмен в российское подданство. Насилия, чинимые туркменскими отрядами над жителями города, вызвали недовольство кунградцев.

¹ МИД, Гл. Арх., 1—9, 1858—1860 гг., № 12, лл. 117—120, 127—129, 140—150, 181—186.

² Там же, 1859 г., № 101, лл. 72—76, 86—87 — Письмо Горчакова Алчичову от 30/X 1859 г., депеша Горчакова Алчичову от 2/XI 1859 г.

³ Там же, 1858—1860 гг., № 12, лл. 246—248.

⁴ ЦВИА, ВУА, оп. 287, сл. 159, 1859 г., № 5, лл. 5—8 и сл. — Отношение Горчакова Катенину от 26/III 1859 г.

В августе 1859 г. Могамед-Фана был убит, и Кунград вновь подчинился хану хивинскому.¹ Произведя промеры устья Аму-Дарьи, Бутаков вернулся на Сир. На заседании Особого совещания от 16 января 1860 г. было «признано достаточным довольствоваться теми сведениями, которые мы приобрели в течение двух экспедиций фл.-ад. Бутакова», и новой экспедиции на Аму-Дарью не предпринимать. Аральскую флотилию было признано необходимым усиливать, имея, однако, при этом в виду нужды сир-дарьинской линии.² Именно этот район царское правительство считало своевременным сделать теперь объектом своих активных операций.

В это время приходили известия о значительно усиливающемся влиянии англичан в Афганистане и о появлении английских инструкторов в бухарских войсках.³ В это же время сообщалось о том, что афганцы, действуя по наущению англичан, требуют от эмира бухарского разрыва дружбы с Россией (январь 1860 г.);⁴ что в Туркестан прибыли англо-афганские агенты с предложением поставить по европейскому образцу наиготовление европейских снарядов (февраль 1860 г.).⁵ В это же время стало известно, что вассальный Кокану Ташкент осаждается киргизами и кичиками,⁶ что, пользуясь этим, бухарцы взяли Ходжент и идут на Ташкент⁷ и что бухаро-коканская борьба разгорается. Был, наконец, еще один момент, придававший обстановке сугубо напряженный характер: коканцы стали давать о себе знать в Илийском крае и продолжали свой натиск (начатый в 1857 г.) на Кашгар, стремясь оторвать его от Китая и поддерживая повставшее против китайских властей мусульманское население края.

Активизация англичан на территории сопредельного Кокана толкала царское правительство на решительные действия. Бухаро-коканская война, ослаблявшая обоих противников, создавала благоприятную почву для выступления. Нарушение торговых связей с Бухарой и Коканом являлось достаточным оправданием для выступления.

Добиться военных успехов на среднеазиатском плацдарме значило для царского правительства дать реванш Англии после Севастополя. Добиться этих успехов означало для него также загладить свою вину перед «обществом» за Севастополь, примириться с ним, открыт перед военно-служилым и чиновным дворянством новые перспективы для приложения своих сил, подарив отечественной промышленности новый рынок сбыта и рынок сырья, дав вместе с тем помещикам-крепостникам в тяжелую для них годину испытания крепостнических устоев верную гарантию путем завоевания внешнего рынка сохранить в стране возможный максимум феодальных привилегий.

Вопрос о переселении на занимаемые земли крестьян из Европейской России в это время еще не ставился на практическую почву. «Возможность заселения низовьев р. Сыра русским людом...» — писал «Торговый сборник» в декабре 1864 г.,⁸ — одна из тех фантазий, которые могут приходиться в голову лишь людям, помещанцам на проектах и не имеющим никакого понятия об условиях успешной колонизации.

¹ Там же, лл. 118—120.

² МИД, Гл. Арх., 1—9, 1858—1860 гг., № 12, лл. 261—268.

³ Там же, 1852—1868 гг., № 8, ч. 2, лл. 191—192.

⁴ Там же, лл. 6—8 — Записка Дандевиль от 1/I 1860 г.

⁵ Там же, л. 24 — Записка Дандевиль от 30/XI 1859 г.

⁶ Там же, л. 104 — Отношение Бекмана от 6/VI 1862 г.

⁷ Там же, лл. 111—114 — то же от 27/XI 1862 г.

⁸ «Торговый сборник», № 46, от 12/XII 1864 г., стр. 361—362.

зации где бы то ни было». Однако вопрос этот уже стал обсуждаться в печати. Значение Средней Азии, как потенциального колонизационного фонда, приобретало для правящих групп исключительно важное значение именно в эту пору, когда проводилась аграрная реформа, рассчитанная на обезземеление русского крестьянства.

Царская Россия вступила в ту стадию, когда господствующие классы ее были особенно заинтересованы в том, чтобы «ослабить остроту» «своих» капитализму и порождаемых им противоречий», замедлить их развитие, отсрочить их разрешение. Наступало время, когда им нужно было подумать о том, чтобы создать «возможность искать и находить рынок в колонизуемых окраинах (для фабриканта), возможность уйти на новые земли (для крестьянина)». ¹ Достигнуть этого можно было только посредством новых завоеваний. Военными настрояниями охватывались прежде всего военные сферы. Недаром в эту пору (1861 г.) немало шума в военном министерстве наделала записка, составленная ген. Циммерманом, одним из тех генералов, которые были призваны для действий на новом среднеазиатском театре.

Обсуждая вопрос о соединении линий и о положении дел в Кокане, автор приходил к заключению, что кункаторская политика в данном вопросе приведет к созданию в центре Средней Азии «нового небольшого Кавказа» в лице Кокана, прогрессирующего с помощью англичан в военной технике и имеющего прямое сообщение с владениями Индии. Единственный выход из положения Циммерман видел в нанесении сильного удара коканцам, «чтобы окончательно смирились и сделать хана подвластным русскому скинотру».

Развивая свою мысль о решительном наступлении и ссылаясь, как обычно, на необходимость создания плацдарма, удобного для борьбы с Англией, Циммерман дополнял свою аргументацию следующими характерными соображениями: «Беру смелость сделать несколько возражений против мнения, что России не следует делать новых территориальных приобретений... Говорят, что Россия сама затронула своих среднеазиатских соседей, отнимая у них земли, и тем возбудила с их стороны противодействие. Но в таком разе должно осудить и присоединение Сибири, отнятой также насильственно у туземцев. Если бы при царе Иване Васильевиче IV рассуждали так, что Россия слишком велика и ей не следует расширяться, то Волга и теперь была бы в руках мусульман, и отечество наше было бы маленьким Московским государством, если бы еще успело сохранить свою самостоятельность». Указывая на то, что «завоевательная политика и постоянное стремление расширить торговые сношения создали величие и могущество Англии», Циммерман приходил также к заключению о том, что после «большой» экспедиции в Кокан русская торговля оживится, как оживилась торговля англичан и французов после Пекинской экспедиции. ²

Надежды на рост товарооборота со Средней Азией были вполне реальны. Уже за десятилетие 1850—1860 гг. привоз в Россию из Средней Азии через Оренбургскую таможню почти утроился, вывоз из России почти удвоился. «Если принять в соображение кратковременность нашего владычества на Сыре и ничтожное число там русских, — писал следущий в местных делах и несклонный к пре-

увеличением современник, — то результаты, вообще говоря, очень удовлетворительны и обещают значительный успех». ³

Экономические связи России с ханствами Средней Азии крепли. Русское купечество попрежнему продолжало жаловаться на ущемление своих интересов и требовало от правительства понудить среднеазиатских правителей уравнивать пошлины и допустить учреждение российских консульств. Добиться изменения условий торговли казалось делом не сложным потому, что, как все признавали, среднеазиатские ханства — и Бухара в первую очередь — были заинтересованы в торговле с Россией в большей степени, нежели Россия в торговле с ними. ⁴ «Бухарское владение — писал в «Торговом сборнике» — живет и движется и существует единственно торговлею с Россией. Не будь этой торговли, оно окончательно зачахнет. Временное прекращение торговли с Бухарою, по словам журнала, заставит эмира не только выполнить все требования России — он «готов будет выдать всех придворных своих и чиновников». ⁵

Что касается собственно Кокана, то, по свидетельству известного путешественника Северцова, район Туркестана и Чимкента экономически тяготел к России и вместо с тем тяготился торговой зависимостью от Ташкента; сам же Ташкент жил также преимущественно торговлей с Россией и в свою очередь тяготился политической зависимостью от Кокана. Только важная оседлая часть первоначальных коканских владений, экономически связанная с Кашгаром, была безусловно враждебна России. ⁶ Требования русского купечества об урегулировании торговли с Бухарою и об учреждении там российского консульства становились все настоятельнее. В 1862 г. министру финансов было подано ходатайство за подписью пятнадцати московских купцов. ⁷ Министерство иностранных дел к вопросу об учреждении консульства в Бухаре относилось скептически, ввиду невозможности получить от эмира международно-правовые гарантии для нормального функционирования консульства. ⁸ Была, правда, создана специальная комиссия для разработки вопроса об устройстве в Бухаре торгового агентства, но для этого нужно было изыскать специальные средства, чтобы заинтересовать в деле самого эмира и его приближенных. ⁹

Работы комиссии носились в воздухе. Требования купечества становились особенно настоятельными потому, что среднеазиатский хлопок-сырец, ввоз которого заметно возрастал и раньше, в рассматриваемое время приобрел для российского импорта совершенно исключительное значение. Вследствие разразившейся в США гражданской войны ввоз американского хлопка в Россию с 1861 г. на 1862 год сократился в шесть раз и в течение только этого первого года войны ввоз среднеазиатского хлопка увеличился почти в три раза. ¹⁰ Вместе с тем цены на среднеазиатский хлопок, стоявший на Нижегородской ярмарке 4—5 руб. пуд в 1860 г., поднялись до 7 р. 50 к. в 1861 г., до 12—13 руб. в 1862 г. и дошли до 22—24 руб. в 1864 г. Перейти от медленно действующих мер экономического приручения к мерам принуждения внеэкономического, к включению

¹ «Морской сборник», № 7, 1862 г., стр. 109—134. Л. Мейер. Аральская флотилия в отношении к среднеазиатской торговле.

² МИД, Гл. Арх., II—31856, № 4, лл. 1—19. Записка Григорьева, 1856 г.

³ «Торговый сборник», № 20, 13/VI 1864 г., ст. «Бухары и хлопок».

⁴ МИД, Гл. Арх., I—9, 1860 г., № 18 — Записка Северцова (не датирована), лл.

2—12.

⁵ Там же, II—3, 1862 г., № 4, лл. 3—6.

⁶ Там же, № 5, лл. 1—2.

⁷ Там же, I—9, 1862 г., № 14, лл. 10—11.

⁸ Хлопководство в Туркестане, стр. 143—144, Лгр., 1925.

¹ В. Ленин. Соч., III, стр. 465, примеч.
² МИД, Гл. Арх., I—9, 1861 г., № 40, лл. 1—18 — Записка ген. Циммермана. На полях помета: «Записка, которая произвела в свое время много шума в военном министерстве».

среднеазиатского рынка в российскую таможенную черту путем завоевания означало не только расширить внешний рынок для русской промышленности, но подарить ей такой рынок сырья, какой ей был особенно нужен в данный момент.

Затрачивать сколько-нибудь значительные средства на военную агрессию в рассматриваемое время, требовавшее серьезного бюджетного напряжения для проведения необходимых буржуазных реформ сверху, правительство было не в состоянии. В этом отношении среднеазиатский пландазм казался особенно подходящим. Тем более, что первые же операции, с которых дело должно было начаться, обещали оказаться даже рентабельными: содержание расклевывшихся старых линий по общему признанию обходилось дорого; соединение их означало не только спрямление, а следовательно и сокращение пограничной черты и уменьшение численности пограничных войск, но и выделение этой черты из районов мало плодородных и бедных в местности, богатые продовольствием.

Никакого твердо выработанного плана завоевания у правительства не было. Дело было предоставлено самотеку и в значительной мере определялось случайностями.

В 1861 г. оренбургский ген.-губернатор Безак выступил с проектом — приступить немедленно к соединению линий и занять Туркестан и Ташкент. В то же время ген.-губернатор Западной Сибири Дюгамель заговорил о «прочном занятии Забайкальского края» и о необходимости возвести в Аулие-Ата укрепление. Вопросы эти обсуждались на заседании Особого комитета 9 марта 1862 г. Александр II оба плана принципиально одобрил и распорядился о согласовании их. Царское правительство тогда же дало обоим ген.-губернаторам директиву произвести необходимые в этом плане рекогносцировки — Безаку в направлении Туркестана, Дюгамелю — в направлении Пишпека и Аулие-Ата.¹ После того как местность была изучена, а крепость Пишпек «сравнена с землей», вопрос о дальнейших действиях в Средней Азии был поставлен на обсуждение Особого комитета, собиравшегося 23 февраля 1863 г. Безак снова настаивал на безотлагательном овладении Туркестаном и Ташкентом. Более осторожный Дюгамель, руководствуясь соображениями политики экономической и международной, предлагал план образования из Ташкента независимого ханства. Финансовое ведомство, обремененное не только заботами о финансировании буржуазных реформ, но и сверхмерными ассигновками на подавление польского восстания, в лице своего руководителя Рейтерна категорически возражало и против всяких комбинаций с Ташкентом и против своевременности соединения линий. Рейтерн указывал на трудность «привлечения в новый край рабочей силы и капиталов», он говорил о нежелательности «отвлечения этих сил от сердца России», о необходимости «на время отказаться от наступательных действий в Средней Азии». Горчаков поддержал Рейтерна, и хотя военный министр Милютин являлся убежденным сторонником активных операций в Средней Азии, Комитет постановил «осуществление соединения оренбургской и сибирской линий, как оно ни желательно... пока отложить и ограничиться «изучением» пространства между двумя линиями путем продолжения рекогносцировок».²

Ровно через четыре месяца Безак сообщил Милютину, что полк. Черняев, выступивший с отрядом в рекогносцировку, в нарушение дан-

ных ему директив овладел крепостью Сузак и «объявил ее с окружающим населением под покровительством России». Чтобы оправдать себя в глазах высшего начальства, Безак осуждал образ действий Черняева.³ Но Милютин не осуждал ни Черняева, ни Безака. Сообщая (7 июля 1863 г.) о совершившемся факте Горчакову, он замечал: «Я же с своей стороны остаюсь при прежнем мнении, что рано или поздно мы должны будем связать наши первоначальные линии — оренбургскую и сибирскую». Повторяя свой старый довод об экономии средств, достигаемой посредством соединения линий, Милютин в качестве ultima ratio выдвигал традиционный аргумент военного ведомства: «В случае европейской войны мы в особенности должны дорожить занятием того края, сближающего нас с северными пределами Индии и облегчающего нам доступ в эту страну. Владичествуя же в Кокане, мы постоянно можем угрожать ост-индским владениям Англии. Это тем более важно, что только здесь мы можем быть опасны для этого врага нашего».⁴ Это были дни, когда подавление польского восстания можно было считать обеспеченным, когда вместе с тем англо-русские трения достигли высокого напряжения, и к восточному побережью Северной Америки отправлялись эскадры Леонского. Прошел уже целый год как русские текстильные фабрики стояли без американского хлопка. Уже начался отлив рабочих в деревню. Положение же дел в США не подавало надежд на скорое разрешение хлопкового кризиса. Горчаков, который совсем недавно приветствовал умеренность Дюгамеля, теперь разделял точку зрения Милютина: «В настоящее время — отвечал он ему (16 июля 1863 г.) — положение вопроса существенно изменилось. Успешные действия полк. Черняева без особых расходов и пожертвований приблизили нас к цели, которая имела в виду первоначально».⁵ Оба министра сошлись на том, что в данный момент удастся обойтись без того, чтобы брать Ташкент и Туркестан силой, и что соединение линий довершит торговые сношения.⁶

Однако 20 июля 1863 г. Безак доносил, что торговые сношения с Туркестаном не увенчались успехом.⁷ Директор Азиатского департамента Игнатьев развивал мысль о необходимости прорваться силой к Ташкенту.⁸ 20 декабря 1863 г. царь передал Милютину свое решение: «С будущего 1864 г. приступить к соединению передовых Оренбургской и Сибирской линий на предложенных ген.-ад. Безаком основаниях, т. е. от Джулека на Сыр-Дарье через Сузак на Аулие-Ата и далее по хребту Каратауских гор... чтобы непосредственно пересекли границу на Арыс, проведя оную от Аулие-Ата через Чимкент». Встревоженный начатой паризмом агрессией, кокандский хан стал сдерживать посольство в Россию. Условиями приема посольства было не требовать от России возвращения занятых ею земель, разрешить русским купцам свободную торговлю в Кокане.⁹ Хан условий не принял; посольство также принято не было. Вопрос о будущих судьбах Ташкента пока оставался открытым. Но в апреле 1864 г. (отношение от 19 апреля) Милютин уже писал Безаку о том, что было бы полезно «и овладение Туркестаном».¹⁰

¹ Там же, 1862—1864 гг., № 45, ч. 1, лл. 70—77.

² Там же, лл. 78—84.

³ Там же, 1863 г., № 26, лл. 83, 88.

⁴ Там же, лл. 89—92.

⁵ Там же.

⁶ Там же, лл. 106—110 — Записка, составленная в Азиатском департаменте 9/VIII 1863 г.

⁷ Там же, лл. 156—157.

⁸ Там же, лл. 178—180.

¹ МИД, Гл. Арх., 1—9, 1863 г., № 26, лл. 10—11.

² Там же, лл. 14—16, 32—43.

В составленной в министерстве иностранных дел для царя записка от конца октября 1864 г., одобренной военным министром, говорилось о «тапшевном, но непреодолимом тиготении» России к Востоку, о «невозможности строго миролюбивой политики при соприкосновении с племенами полудиками», о естественных богатствах Коканского ханства, располагающего хлопком, шелком, мареной и драгоценными металлами, и о его значении, как прямого пути для торговых сношений с Кашгаром.¹

II. ВОЙНА С КОКАНОМ. ПРИСОЕДИНЕНИЕ БУХАРЫ

Циркуляром от 21 ноября 1864 г. ко всем европейским дворам Горчаков напоминал о той неизбежности, с какою «цивилизаторские» страны — он имел в виду Англию, Францию, Голландию, США — приходят «в соприкосновение с народами полудикими, бродячими, без твердой организации, обычно увлекаются «на путь движения вперед», на котором величайшая трудность состоит в умении остановиться».² Выступление Горчакова означало, что Россия намерена последовать примеру других.

Еще в начале мая 1864 г. со стороны Сибири (из Верного) был двинут отряд в 2500 человек под начальством полк. Черныева. Три недели спустя со стороны Оренбурга (из форта Перовского) навстречу ему выступил отряд в 1200 человек под начальством полк. Веревкина. Черныев шел на Аулие-Ата и далее на Чимкент, важный узловой пункт, Верекин — на Туркестан, крупный культурный центр, считавшийся очагом панисламистской пропаганды и агитации. После занятия этих пунктов отряды должны были соединиться и сомкнуть оренбургскую и сибирскую линии. 4 мая 1864 г. отряд Черныева после двухчасовой бомбардировки взял штурмом Аулие-Ата. Среди захваченного в крепости оружия оказалось много флигельных ружей, старых фалькнетов; вообще же преобладало холодное оружие — сабли, шашки, пиклы, кистени. 12 июня отряд Веревкина после недолгой осады взял Туркестан. Ожесточенные контратаки защитников Туркестана были тщетны. Атакующие массы коканской кавалерии, вооруженной шашками и кистенями, поражались огнем на расстоянии 10—15 шагов. Стремясь опередить Черныева, Верекин выслал малочисленный отряд для взятия Чимкента. Чимкент оказал неожиданно сильное сопротивление. Отряд, потеряв значительный урон, вынужден был вернуться. Черныев, подошедший к Чимкенту со своими войсками, не решился брать его приступом.

Только в сентябре 1864 г., после образования передовой новококанской линии и назначения Черныева начальником этой линии с подчинением ему всех действующих войск, было приступлено к осаде Чимкента. Коканцы деятельно готовились к обороне. «В последнее время коканская артиллерия, — доносил Черныев из-под Чимкента, — под руководством неуязвимого техника сделала громадные успехи».³ Для борьбы с осадными сооружениями защитники Чимкента рыли перед городскими стенами траншеи и перевозили туда орудия. Коканцы записались упорно и храбро, но отстоять крепость не смогли. 22 сентября 1864 г. отряд Черныева внезапным ударом опрокинул выдвинувшиеся вперед коканские войска и на плечах отступающих ворвался в крепостные ворота. Коканская артиллерия со-

стояла из 19 чугунных пушек, лишенных нарезки, 4 медных орудий и 8 мортир. «Мы замкнули наши стопы, — писал впоследствии по поводу взятия Чимкента один из участников среднеазиатских походов, ген. Романовский — вышел из них на пространство хлебородное, дававшее возможность довольствоваться войска местными средствами».¹

Казалось, намеченный первоначально план действий был выполнен. Ассигновки из Петербурга прекратились. Но «неожиданно сложившиеся обстоятельства», отмечал тот же автор, весьма осведомленный в рассматриваемых вопросах, — указали на необходимость дальнейших военных действий».² Эту «необходимость» почувствовал прежде всего сам Черныев. Легко давшиеся первые военные успехи питали военный азимут: немедленно после взятия Чимкента Черныев двинулся на Ташкент. Он выступал теперь за свой страх и риск, без формального согласования своих действий с высшим начальством. Ташкент был обнесен стенами протяжением свыше 24 километров. Столичное население города готовилось защищаться. Черныев не решился брать город штурмом. Он просил Петербург дать ему разрешение на подготовку действий против Ташкента. В Петербурге были заметны колебания в вопросе о форсировании военных операций в Средней Азии. Недаром в начале марта 1865 г. «Московские Ведомости» выражали опасение, как бы среднеазиатский вопрос «не упрел в собою решения других вопросов, с которыми связано для России значение великой европейской державы». Известную осторожность вызвала у Каткова, в частности, позиция Англии: ему казалось подозрительным то, что она, известная своим постоянным противодействием царской активной политике на Среднем Востоке, теперь «рукоплещет недавним успехам нашего оружия в Центральной Азии и устами главных органов своей журналистики приветствует нас в этом отдаленном и диком крае, как распространителей европейской цивилизации и европейских идей». Ссылаясь на статьи английского еженедельника «Saturday Review», процитировав царскую экспансию в Средней Азии, Катков усматривал в этом заявление англичан отвлечь Россию среднеазиатскими делами и тем ослабить ее позиции на Ближнем Востоке.³

В Петербурге надеялись на то, что Ташкент сам отложится от Кокана. Поэтому завоевание Ташкента предпринимать не хотели, рассчитывая мирным путем добиться превращения его в независимое от Кокана владение, находящееся под протекторатом России. Только в случае, если бы эмир бухарский сделал попытку присоединить Ташкент к своим владениям, Черныев должен был превентивно занять его военной силой. Оренбургский ген.-губернатор Крыжановский передал соответствующие директивы Черныеву и весной 1865 г. собирался сам ехать к Ташкенту. Черныев не стал ждать приезда Крыжановского, как не хотел ждать и эмира бухарского, который, начав против Кокана военные действия и заняв своими отрядами коканскую крепость Ходжент, собирался сам идти на Ташкент. 22 апреля после двухдневной бомбардировки Черныев взял расположенную на р. Чирчик крепость Низа-бек, являвшуюся ключом к Ташкенту. Он отъезжал в сторону два рукава Чирчика, питающие Ташкент водой, в начале мая подошел к стенам Ташкента, отрезал его от Бухары и начал блокаду. Коканские войска во главе с ханом Алим-

¹ МИД. Гл. Арх., 1—9, 1863 г., № 26, лл. 196—228—Записка от 31/X 1864 г.

² Ф. Мартенс. Россия и Англия в Средней Азии, стр. 23, СПб., 1889.

³ Д. Романовский. Заметка по средне-азиатскому вопросу, стр. 147, СПб., 1868.

¹ Там же, стр. 29—30.

² Там же, стр. 31—32.

³ «Московские Ведомости», № 47, от 3/III 1865 г.

Кулом сделали смелую вылазку. Вылазка потерпела неудачу. Алим-Кул был смертельно ранен. Жители города страдали от недостатка воды и пищи. В ночь с 14 на 15 июня Черняев повел свой отряд на штурм крепости. Защитники города отчаянно сопротивлялись: каждое укрепление на стенах бросало с боя; «каждую саклю приходилось брать штыками».¹

На улицах из арб и срубленных деревьев строились баррикады, разбивавшиеся огнем артиллерии, действовавшей с близких расстояний. От огня гранат вспыхнул пожар, продолжавшийся целые сутки. Три дня, 15, 16 и 17 июня, кипел бой на улицах Ташкента. 17 июня почетные жители города и ахсабалы изъявили покорность и начали переговоры о сдаче. Самый крупный город Средней Азии перешел в руки царской России. Царь быстро примирился с совершившимся фактом и пожаловал Черняеву бриллиантовую инагу. Но Крыжановский не хотел примириться с успехами Черняева. В это время войска эмира бухарского продолжали свое движение в глубь Кокана. Черняев вступил с эмиром в переговоры о пограничной линии. Эмир, стремившийся установить над Ташкентом собственный протекторат, требовал, чтобы царские войска оставили город. Черняев отправил к эмиру посольство во главе с дипломатическим чиновником Струве, снабдив его импровизированными инструкциями. Посольство было задержано в Бухаре. Отправленное эмиром посольство не было принято в Петербурге. Бухарские купцы задерживались в занятых царскими войсками городах. В сентябре 1865 г. Крыжановский приехал в Ташкент. Он объявил город независимым владением, предложил жителям избрать правителя и чиновников. Черняев, не сообразуясь с директивами Крыжановского, денуэду со своим отрядом на Джизак. «Здесь каждый говорит свое», — сообщал в Петербург из Ташкента чиновник министерства иностранных дел Пашинно (24 февраля 1866 г.),² — партия Черняева одно, Крыжановского — другое... Новая экспедиция Черняева подняла на ноги здесь все воинство; все рвется туда... каждый желает отличиться, даже я видел во сне, что получил георгиевский крест».

Крыжановский обвинял Черняева в самовольных действиях и прежде всего в том, что тот хотел заключить с Бухарой соглашение за счет отнятых у кокандцев территорий.³ В начале марта 1866 г. Черняев был отозван в Петербург и заменен ген. Романовским, поставленным в подчиненное положение к Крыжановскому.⁴ В инструкции, полученной Романовским от военного министерства, говорилось о желательности скорейшего восстановления торговых сношений с Бухарой, но вместе с тем напоминалось, что «азиатцы уважают только силу».⁵ Романовский призвался к умеренности, но ему развязывались руки для военных действий. Крыжановский теперь не возражал против открытия активных операций против Ходжента. Военные действия с Бухарой продолжали развиваться. 8 мая войскам эмира было нанесено тяжелое поражение у Ирджара. 24 мая был взят Ходжент. Положение малочисленных русских отрядов — из 13 тысяч человек, бывших в распоряжении оренбургского ген.-губернатора, в действующих отрядах было всего немногим более 3 тысяч⁶ —

было однако далеко не блестящим. «Преобладающее настроение умов, — отмечал в апреле 1866 г. Пашинно,¹ — клонится в нашу пользу, но первая неудача, и все нас брезжит. «Любовь к ген. Черняеву беспримельна, — писал он тогда же, — и вера в его силу непоколебима, чем только и можно объяснить спокойствие края, когда на каждого солдата приходится по 800 душ населения... Отношения наши с соседями не совсем красивы. Торговля нет ни с югом, ни с востоком, ни с западом — разве самая ничтожная, потому что сношения с китайскими татарами еще не установились, кокандские купцы боятся ехать к нам, мы к ним». Петербург не оказывал Крыжановскому необходимой помощи для развития операций, но и никаких принципиальных возражений действия Крыжановского также не встречали.

К июню 1866 г. Крыжановский разработал план занятия всего Коканского ханства, до пределов Небесных гор и Бодорокского хребта. Он решил послать отряд для реконсолидации по р. Чирчик, а для создания источника доходов приступил к организации аппарата управления краем, сбора податей и повинностей. Он предписал вместе с тем Романовскому обращаться с новым кокандским ханом Худояром, как с вассалом России: «Если обидится и будет действовать противу нас — тем лучше, это даст предлог покончить с ним». Он наказывал ему также «не уступать ни в чем» эмиру бухарскому.² В августе 1866 г. Крыжановский прибыл в Ташкент и удовлетворил просьбу жителей Ташкента, Ходжента и Закирчикского края о принятии их в подданство России. Местности эти вошли в состав Российской империи. В сентябре в Ходжент прибыло посольство от эмира, выражавшего готовность заключить мир на условиях Крыжановского. В числе этих условий был пункт об уплате военных издержек. Крыжановский потребовал, чтобы контрибуция была доставлена в десятидневный срок — это было невыполнимое требование. 20 сентября Крыжановский выступил против бухарской крепости Ура-Тюбе. 2 октября Ура-Тюбе была взята и разгромлена. 5 октября был взят штурмом Джизак, расположенный 11-тысячным гарнизоном. 25 октября был занят без боя соседний Яни-Курган. Из всех новоприсоединенных земель был образован особый военный округ, во главе которого должен был стать ген.-адъютант фон Кауфман, бывший до того правителем канцелярии военного министра Милютина и прозванный остряками из великосветских салонов «скупцом из милютинских лапок».

Письмом от 1 ноября 1866 г. Милютин напоминал Крыжановскому о том, что царь «не желает никаких новых завоеваний» и ждет восстановления мирных сношений с Бухарой, «так как при настоящем положении дел для нас важнее успокоение края и восстановление торговли с азиатскими соседями, нежели самые блестящие успехи, особенно, если они потребуют усиления войск и новых издержек государственного казначейства».³ Министерство иностранных дел продолжало педомоно молчать. В записке, составленной в министерстве иностранных дел в декабре 1866 г. в ответ на просьбу Крыжановского об инструкциях, давался анализ военных и дипломатических достижений оренбургского начальства. «Как ни блестящи последние успехи нашего оружия, — отмечал автор записки, — во в политическом отношении ими не достигнуто никаких сколько-нибудь удовлетворительных результатов». Автор записки педомоновал по поводу того, что ему стало известно из переписки с оренбургскими

¹ М. Терентьев. История завоевания Средней Азии, I, стр. 319, СПб., 1866.

² МИД. Гл. Арх., I—9, 1865—1867 гг., № 41, лл. 56—57 — Письмо Пашинно Стремухову от 24/II 1866 г.

³ Там же, лл. 10—11, 15—16, 17—20.

⁴ М. Терентьев. Указ. соч., I, стр. 335.

⁵ Там же, стр. 337.

⁶ Д. Романовский. Указ. соч., стр. 109.

¹ МИД. Гл. Арх., I—9, 1865—1867 гг., № 11, лл. 91—94 — Письмо Пашинно Стремухову из Ташкента от 2/IV 1866 г.

² М. Терентьев. Указ. соч., I, стр. 362.

³ МИД. Гл. Арх., I—9, 1865—1867 гг., № 11, лл. 137—138.

властями: с одной стороны, коканский хан, остающийся попрежнему в пассивном состоянии; с другой — бухарский эмир, «неопределенное положение» которого осталось без изменений; наконец — заявление Крижановского о том, что поставленные Россией цели в Средней Азии достигнуты, и его же указания на возрастающую враждебность к России со стороны Бухары и Хивы и даже на возможность в будущем всеобщего столкновения с бухаро-хивинской коалицией. «Здесь, следовательно, оказывается пробел, — приходил к заключению автор записки, — который министерство иностранных дел не в силах пополнить никакими заключениями... Нельзя не сознаться, что все вышесказанные обстоятельства падают на самые тревожные мысли. При всем желании составить себе определенное понятие о состоянии среднеазиатских дел сделать это на основании сообщений тамошнего местного начальства становится решительно невозможным». ¹ Никаких инструкций из дипломатического ведомства Крижановский не получил. Но в них теперь и не было особой надобности. вновь командированный в Среднюю Азию, близкий к царю и к Милотину, Кауфман был облечен самыми широкими полномочиями: он мог самостоятельно вести переговоры с соседними ханствами, объявлять войну и заключать мир. Вместе с Крижановским он выработал проект соглашения с эмиром бухарским: последний должен был допустить свободный въезд русских купцов в Бухару, уравнивая российских подданных в правах с бухарцами, признать их экстерриториальность, уплатить контрибуцию и обязаться поддерживать сношения с другими государствами не иначе, как через посредство царских торговых агентов.

Переговоры с Бухарой затянулись: рассчитывая на развитие партизанского движения в тылу у русских, эмир не терял еще надежды отстоять свои права вооруженною силой. Царские войска под начальством ген. Абрамова двинулись в направлении к Самарканду. 26 мая 1867 г. произошло столкновение отрядов Абрамова с войсками эмира; последние были разбиты и бежали в Самарканд. Переменяясь с возобновлявшимися от времени до времени переговорами о мире, военные действия продолжались. Но они не отличались решительностью. Кауфман не был спокоен за свой тыл. В письме к Милотину от 13 ноября 1867 г., передавая впечатления от посещения Ташкента, Кауфман говорил о том, что только евреи да индусы, считавшиеся ташкентскими париями, высказывали ему свою преданность: «Прочие, т. е. мусульмане, показали столько холодной сдержанности, столько равнодушия, даже неуважения к представителю верховной власти, что можно предположить существование какого-нибудь *mot d'ordre*, по которому масса населения велела себя при встрече». «Я пришел к убеждению», — писал Кауфман, — что настроение умов здесь неладное, что нерасположение к русской власти... неуважение к этой власти и готовность воспользоваться удобным случаем, чтобы освободиться от нее, действительно существует». Хотя Кауфман и допускал, что разгром Бухары должен поднять царский престиж в Средней Азии, однако он считал целесообразным «дать другой оборот делу, т. е. прежде заняться устройством управления края». ² К концу 1867 г. получила окончательное оформление организация Туркестанского генерал-губернаторства в составе Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей с центром в Ташкенте. Во главе губернаторства стал сам «арымпадыша» (получар) Кауфман. Действуя в том же плане укрепления тыла, Кауфман при-

лагал все усилия к тому, чтобы добиться соглашения с коканским ханом Худояром. Он выработал «секретный трактат», на заключение которого Худояр согласился: русским купцам было предоставлено Коканом право повсеместного пребывания и учреждения караван-сараяв, они были уравнианы с мусульманами в отношении пошлин, был разрешен транзит русских товаров через Кокан. Коканское ханство осталось без границ, по хан Худояр, по словам Струве, «тонимал свое настоящее положение и вел себя хорошо». ¹ Коканское посольство было допущено в Петербург.

Азиатский департамент министерства иностранных дел, который был занят в эту пору подготовкой балканского союза и предусматривал скорую неизбежность решительного выступления по вопросу о проливах, надеялся, что роль военного министерства на Среднем Востоке теперь должна кончиться и дипломатически небезопасные военные операции там должны прекратиться. 29 июля 1867 г., ознакомившись с рапортом ген. Мантейфеля, доказывавшего необходимость движения на Самарканд, директор Азиатского департамента Стремоухов отправил начальнику генерального штаба Гейдену негодующее письмо. «Нам постоянно указывали, — писал он, — на разные пункты Средней Азии, как на необходимые приобретения, подлежащие упорному нашему положению и служить предлогом и ослонот наших владений. Этими пунктами по очереди были Чимкент, Ташкент, Ходжент, Джизак, теперь же указывают уже на Самарканд... Постоянно говорилось о том, что для славы России, для упрочения ее кредита необходимо взять какую-либо твердую или разбить азиатские скопища в чистом поле: твердые брали одну за другою, скопища разбивались в пух и прах, достигали хорошей границы, и тогда неизменно оказывалось, что недостает еще одной твердныи, что необходима еще одна окончательная победа, что несколько далее лежит настоящая отличная граница, что кредит наш все еще недостаточно упрочен прежними успехами. Ваше сиятельство верно согласитесь, что подобный образ действия должен быть наконец прекращен, потому что несомненно ни с достоинством, ни с истинными пользами правительства». ²

Военное ведомство расходилось со Стремоуховым в понимании «достоинства и истинных польз правительства». Оно считало, что в то время как «спокойствие» в Сибирской степи водворено, в Оренбургской степи положение царской власти непрочное. Практика борьбы с партизанским движением среди казахов показала, что «весь правый фланг нашей степи» будет «висеть в воздухе», пока существует «главный притон — Хива» и пока Бухара, как самое сильное и влиятельное среднеазиатское ханство, может претендовать на роль организатора и объединителя разрозненных сил среднеазиатских народов. Сила Хивы держится исключительно могуществом Бухары. Бухара «является ключом всего Аму-Дарьинского бассейна». Англичане стремятся утвердиться в этом бассейне и сделать Бухару буферным государством. Поэтому они готовы поддерживать эмира деньгами и оружием против России. Утверждение Англии на Аму-Дарье будет началом конца русского влияния в Средней Азии. Последние годы показали, что бухарский рынок может обходиться без России. Бухара же нужна теперь России больше, чем когда-либо, и прежде всего как рынок сырья. Та политика, какую вело в прежние времена царское правительство в вопросах среднеазиатской торговли, покровительствуя интeрсам

¹ МИД. Га. Арх., I—9, 1865—1867 гг., № 11, лл. 147—149.

² Там же, 1867 г., № 16, лл. 13—18.

¹ Там же, 1868—1873 гг., № 15, лл. 2—9.

² Там же, 1852—1868 гг., № 8, ч. 2, лл. 228—232.

бухарских купцов в ущерб интересам русского купечества и русской промышленности, в настоящее время неприемлемы. Торговля с Бухарой должна перейти в руки русского купечества, для успешных действий которого должны быть созданы соответствующие юридические предпосылки. Бухара должна быть «приближена» к России и неразрывно связана с нею. Таможенная черта должна быть перенесена на Аму-Дарью.¹

Царь поддерживал в данный момент точку зрения военного ведомства. То письмо Кауфмана к Милютину, где говорилось о необходимости проведения реформ управления краем для упрочения тыла, заканчивалось указанием на то, что, упрочив таким образом тыл, необходимо будет двинуться дальше против эмира. «Совершенно одобрено» — откликнулся на это своею пометой Александр II.²

К марту 1868 г. ген. Кауфману пришлось уже вплотную подойти к вопросу о новой агрессии. К этому времени в Бухаре нарастало недовольство лавирующей политикой эмира. Во главе недовольных стояли духовенство, беки и крупное купечество. Эмир пошел на встречу. В поисках союзников он развел своих эмиссаров в Кокан, Кашгар, Хиву, Афганистан, Турцию и Ост-Индию. В марте он отказался от ратификации выработанного мирного договора и объявил газават против неверных. Бухарские отряды появились у Джизакла и Ины-Кургана. Царские войска были ослаблены болезнями. Но Кауфман считал, что медлить нельзя. 30 апреля он начал наступление по самаркандской дороге. Переправившись через Зеравшан, Кауфман 2 мая с боем подошел к Самарканду. В городе возобладало влияние русской партии. Были открыты ворота крепости. Завяв город, Кауфман послал эмиру предложение подписать предьявлявшиеся ему ранее условия, дополнив их теперь требованием признать Самаркандское бескетво отошедшим в пределы России. Эмир медлил с ответом. Несмотря на громадную убыль в войсках от болезней — в распоряжении Кауфмана было всего 6 тысяч солдат³ — Кауфман решил продолжать продвижение: 6 мая без боя был занят Чилек, 12 мая было преодолено сопротивление Ургута, 17 мая был завоеван Катты-Курган. 3 июня в бою под Зерабулаком Кауфман разбил главные силы эмира. Пока Кауфман был занят военными действиями против Бухары, в Самарканде готовилось восстание против новых властей. К городу на помощь инсургентам стягивались бухарские войска. Небольшой русский гарнизон оказался в опасном положении. 1 июня началась осада. Ничтожная горсть осажденных отбивалась от яростных атак. Силы их истощались. Узнав о событиях, развернувшихся в Самарканде, Кауфман поспешил вернуться туда. Он жестоко расправился с восставшими: город был сожжен и отдан войскам на разграбление. К Кауфману прибыл бухарский посол с извещением, что эмир обещал ратифицировать договор.

Между тем в Бухаре разрасталось движение, направленное против капиталистической политики эмира. К движению примкнул вассальный Шахризабег. Чтобы спасти положение, эмир хотел капитализировать вместе с войсками. В таком случае перед Кауфманом стала бы задача оккупировать своими войсками всю Бухару. Но его войска были настолько истощены непрерывными походами, что Кауфман не мог решиться на занятие Бухары. Он ограничился поэтому подписанием

¹ Записка Глуховского «О значении Бухарского ханства для России и о необходимости принятия решительных мер для прочного водворения племени нашего в Средней Азии», СПб., 1867.

² МИД, Гл. Арх., I—9, 1867 г., № 16, лл. 12—18.

³ Там же, 1867—1869 гг., № 11, л. 82.

соглашения с эмиром от 23 июня 1868 г., по которому Бухара признавала присоединение к России Самаркандского и Катты-Курганского округов, уплачивала 500 тысяч рублей серебром контрибуции и, принимая все предъявленные ранее требования, признавала над собой российский протекторат. К осени 1868 г. старший сын эмира Катты-тюрк решил возглавить нараставшее в стране повстанческое движение. Он вошел в сношение с Хивой, туркменами и казахами. Старый эмир в качестве вассала обратился к своему сюзерену за помощью. 21 октября Кауфман двинул в пределы Бухары небольшой отряд под начальством ген. Абрамова. Повстанцы оказывали отряду упорное сопротивление, но в конце концов власть эмира была восстановлена. Катты-тюрк бежал. Эмир окончательно примирился со своим положением вассала: он отказался от прямых сношений с Турцией, разрешил пребывание в Бухаре царского политического агента, допустил русскую пограничную стражу по Аму-Дарье на границе с Афганистаном.

Заключением Кауфманом договора с Бухарой получило одобрение царя. Но царь воздержался от ратификации договора: бухарский вопрос не считался окончательно разрешенным. В то же время Стремоухов добился от царя директивы для Кауфмана (4 июня 1868 г.): «Несмотря на одержанные успехи, отнюдь не подвигаться вглубь Азии, принять все меры к скорейшему возвращению войск в свои пределы, дав соответственное устройство временно занятой стране».¹ Когда в Петербурге стало известно о последовавших затем в Бухаре событиях и о действиях отряда ген. Абрамова, Стремоухов, ссылаясь на директиву царя, писал Кауфману (28 декабря 1868 г.) о нежелательности «вооруженного вмешательства» в «политические дела соседнего ханства» и о необходимости «по возможности скорее очистить Самарканд и весь Зеравшанский округ, т. е. бассейн Аму-Дарьи, и возвратиться на восточную сторону Джелал-уттинского ущелья и к бассейну Сыр-Дарьи».²

Кауфман высоко ценил значение Самарканда, владевшего гидравлическими сооружениями, которые снабжали водой значительную часть бухарских владений: держа в руках верховья Зеравшана, он держал в руках Бухару. Милютин, который по обязанности передавал Кауфману директивы царя и советы Стремоухова не усложнять «общего нашего политического положения», признавался вместе с тем Горчакову (29 июля 1868 г.), что доводит Кауфмана о необходимости занятия Самарканда вполне убедительно.³

Точка зрения военного министерства (и Кауфмана) победила: из Самарканда и Катты-Кургана был образован особый Зеравшанский округ. Скептики из министерства иностранных дел и министерства финансов⁴ были поставлены перед совершившимся фактом. Русские торгово-промышленные круги получали осуществление своих чаяний. О развитии русской торговли и промышленной предприимчивости в период военных действий, разумеется, говорить было трудно. Однако некоторые симптомы уже намечались. Еще в ноябре 1865 г. Романовский ездил в Москву для привлечения частных капиталов в среднеазиатскую торговлю. Ему удалось при содействии Милютина, це-

¹ Там же, 1867—1870 гг., № 11, л. 85.

² Там же, 1868—1869 гг., № 11, лл. 23—30.

³ Там же, 1867—1870 гг., № 11, лл. 126—129.

⁴ Командированный в Ташкент еще в 1867 г. чиновник мин-ва финансов Цвет не обнаруживал особого оптимизма в вопросе о развитии русской торговли в Средней Азии и высказывался против целесообразности дальнейших территориальных приобретений (МИД, Гл. Арх., I—9, 1867 г., № 20, лл. 1—41).

смотря на скептицизм Рейтерна, достигнуть известных успехов: по инициативе председателя московских отделений мануфактурного и коммерческого советов Хлудова было образовано (в декабре 1863 г.) Московско-Ташкентское т-во для ведения русской торговли в Средней Азии.¹

В 1866 г. красноярский купец Савельев выступил со смелым проектом образования товарищества для устройства железнодорожной дороги от Каспийского моря к морю Аральскому и учреждения торгового пароходства по Аральскому морю к рекам Сыр и Аму. Поддержанный Милотиним, проект этот встретил возражения со стороны Крижановского и утвержден не был.² В те же годы многие предприниматели устремились на разработку земных недр во вновь завоеванных местностях: паш. Татарinov стал искать каменный уголь в районе Туркестана, Первушин интересовался свинцовыми рудами в верховьях Турлан-Асу, Кудинин, тот же Первушин и Колесников искали золото на Чирчике, Федоров — селитру около Чимкента.³ В 1868 г. купцы Хлудов, Трубочников и Иванов проникли уже в Самарканд и, достигнутые разрабатывавшимися там событиями, вместе с русским отрядом обивались в цитадели от оставшего населения.⁴

Когда в 1868—1869 гг. возник вопрос об уплате эмиром контрибуции, представитель торгового дома Хлудова выступил с проектом финансирования эмира, имея в виду получить за ссуду эмиру товарами или деньгами от бухарских купцов. Поставленное Хлудовым требование правительственной гарантии займа помешало реализации проекта, однако Кауфман приветствовал проект ссудной операции Хлудова, считая, что тем самым «жители бухарского ханства подпали бы влиянию русских капиталов, что лучше всего поддерживало бы наше там политическое влияние и установило бы более близкие коммерческие связи».⁵

К 1869 г. относится выступление Окунева с проектом об устройстве в Сыр-Дарьинской области железнодорожного и механического заводов, которые, по мысли предпринимателя, были призваны к укреплению культурной и политической связи метрополии с новой колонией. Исправившийся Окуневым анализ от правительства в сумме 400 тыс. руб. послужил пренятием для организации дела.⁶ Чтобы «обеспечить преобладание русских мануфактур на среднеазиатском рынке и сохранить экономическую связь Туркестанского края и соседних ханств с Европейской Россией», чтобы удешевить доставку в Россию среднеазиатского хлопка, в 1870 г. было образовано в составе Северцева, Хлудова и Первушина акционерное общество для среднеазиатского торгового пароходства с капиталом в 2 400 000 руб.⁷

Наконец, тогда же перед правительством встал вопрос о скорейшем осуществлении проекта постройки Самарско-Оренбургской железной дороги.⁸ Значительная часть предприятий по разработке земных недр скоро заглохла. Торговля с Коканом шла хорошо, но в Бухаре дела были хуже; за время черерывов в русско-бухарских сношениях английские товары успели завоевать новые позиции на

бухарском рынке.¹ Царское правительство искало новых путей для экономического проникновения в Среднюю Азию. Его внимание оставалось на юго-восточном побережье Каспийского моря.

III. ЗАНЯТИЕ КРАСНОВОДСКОГО ЗАЛИВА

Вопрос об утверждении русского могущества на юго-восточном побережье Каспийского моря и о продолжении оттуда торгового пути в глубь Средней Азии после 1859 г. в течение долгого времени на практическую почву не ставился. Выработанный в том же 1859 году ген. Хрулевым большой проект учреждения товарищества для торговли со Средней Азией, рассчитанный на устройство ряда факторий по восточному побережью Каспия, принципиальных возражений со стороны правительства не встречал, но, попав в 1862 г., в результате движения по бюрократическим инстанциям, в военное министерство, был признан Милотиним несвоевременным.² Вопрос о занятии пункта на юго-восточном побережье Каспийского моря был выдвинут самим военным ведомством в конце 1864 г. На заседании Особого комитета от 4 января 1865 г. было постановлено в качестве подготовительной меры предпринять весной 1866 г. в Красноводский залив съёмочную экспедицию в сопровождении торгового каравана «для положения начала торговым связям с туркменами и хивинцами».³ Как только зашевелились военные власти, приняла в движение и предпринимательские круги. Красноярский купец Савельев и неизвестный коммерции советник Кокорев, один из участников Закаспийского товарищества, «сзывивали готовность обратить свою торговую деятельность на этот берег». Савельев обратился с ходатайством предоставить ему полную монополию на торговлю с туркменами сроком на 15 лет с беспосредственным провозом нефти и других минералов. Кокорев, желая заняться разработкой нефти на острове Челекен, просил соответствующих привилегий и разрешения на покупку нужных участков на острове и на образование особого товарищества при участии английских капиталистов в качестве пайщиков.

Междуведомственная комиссия, продолжавшая работы Особого комитета и рассматривавшая предложения Кокорева и Савельева (на заседаниях 20, 27, 30 апреля и 6 мая 1865 г.), пришла к заключению, что система монополий не желательна в торговых сношениях, и ходатайство Савельева отклонила. Комиссия нашла, что план Кокорева может повести не к сближению с туркменами, а к результатам противоположным. Участие иностранных подданных в качестве пайщиков комиссия признала недопустимым. Проект Кокорева не встретил таким образом в правительственных кругах поддержки. Та же комиссия признала принципиальную важность занятия Красноводского залива, но послышку съёмочной экспедиции решила отложить и ограничиться на первое время поддержкой торговых операций отдельных купцов и промышленников.⁴

Еще Особый комитет, выносящий решение о занятии Красноводского залива, отметил необходимость соблюдать «осмотрительность», чтобы не возбудить недоброжелательности со стороны Персии и не вовлечь казну в лишние расходы.⁵

¹ ЦВИА, ВУА, оп. 287, 1865 г., № 31, лл. 18—47.

² Там же, оп. 1279, к. 87, ст. 3565, п. 2, сп. 7, лл. 1—6.

³ Там же, оп. 908, св. 383, 1866 г., № 74, лл. 1—24.

⁴ МИД, Гл. Арх., 1—9, 1866 г., № 17, лл. 1—88.

⁵ Там же, 1867—1870 гг., № 11, лл. 13—141.

⁶ Там же, 1869—1872 гг., № 9, лл. 1—15.

⁷ Там же, 1870 г., № 16, лл. 3—10.

⁸ Там же, № 17, лл. 2—9.

¹ «Торговый сборник», № 10, от 6/III 1865 г.

² ЦВИА, оп. 282, св. 159, 1859 г., № 13, лл. 12—23, 120—181.

³ МИД, Гл. Арх., 1—9, 1864 г., № 11, лл. 20—23.

⁴ Там же, лл. 141—188.

⁵ Там же, лл. 20—23.

Составленная в ту же пору (в декабре 1864 г.) Стремоуховым записка защищала это же положение в развернутом виде. Хотя Стремоухов, основываясь на известных ему данных о свойствах туркменских племен, и был склонен думать, что они «делают весьма неприглядным обладание этим краем», все же приобретение опорного пункта на Красноводском заливе он считал неизбежным, но настоятельно подчеркивал необходимость рассеять при этом всякие «слухозверия». Персии. Персии он придавал особо важное политическое значение. «Для нашей политики, — писал он, — необходимо существование Персии, как государства независимого и по возможности благоустроенного и сильного... во-первых, как щита, защищающего русские владения от англичан, «а, во-вторых, для уравнивания английского преобладающего влияния в Азиатской Турции». «Персия, — добавлял Стремоухов, — может всегда служить полезною для нас опорой при каких-либо недоброжелательных, под влиянием западных государств, действиях Турции».¹

Между тем царский посланник в Тегеране Гирс предупреждал министерство (5 января 1865 г.), что персидское правительство, весьма настороженно относящееся к продвижению царских войск в Среднюю Азию, особенно ревниво следит за восточным побережьем Каспийского моря и что пункт для занятия на этом побережье нужно наметать возможно дальше от персидской границы и стараться выбрать для этого подходящий момент.² Когда же Горчаков предложил Гирсу (20 февраля) попытаться войти с шахом в соглашение по вопросу о юго-восточном побережье Каспийского моря,³ послание пошло на убыль от выполнения поручения, заявив (9 апреля), что делает это, когда экспедиция станет совершившимся фактом.⁴ Хотя занятие Красноводского залива должно было быть произведено казачьими войсками, а наместник Кавказа в. кн. Михаил Николаевич полагал, что это можно сделать немедленно и без всякой дипломатической подготовки, правительство снова решило (август 1865 г.) «предполагавшееся в 1866 г. занятие Красноводского залива и возведение там укрепленной фактории отложить до более благоприятного времени».⁵ Побудительным мотивом в данном случае являлось не только проведение возможного скорейшего столкновения с Бухарой, но и опасение, как бы английские политики, которые в течение последнего времени не проявляли особенной нервности в связи с царской активностью в Средней Азии, не пришли в беспокойство и не оказали вредного влияния «на умы персидских министров».⁶ Отказываясь от немедленной посылки экспедиции на туркменским берегам, правительство не отказывалось, разумеется, от поддержки торговых сношений с побережьем и от укрепления связей с туркменами. Однако и в этом деле оно хотело соблюдать осторожность: когда (в 1865 г.) проживавший на острове Челекен сын известного князя Кадры просил принять его со значительным количеством туркмен в российское подданство и утвердить его наследственным владельцем острова, правительство ему отказало.⁷

Такая же участь постигла ходатайство хана «Джамудекого туркменского рода», влиятельного Ата-Мурада, о разрешении ему с 10 тыся-

чами кибиток туркмен переселиться к Балханскому заливу и принять российское подданство. Переселение туркменам было разрешено, и принятию же их в подданство было отказано, «чтобы избежать неприязненных отношений» с шахом персидским, считавшим туркмен своими вассалами¹ (август 1865 г.). Напрасно тот же Ата-Мурад посылал письма Кржижановскому и в последующие годы (1867 г.), просил защитить туркмен от Хивы и выражал надежду на скорое устройство в Красноводском заливе русского укрепления: «Если государю императору угодно будет, вник нашим просьбам, приказав построить крепость, тогда все туркмены, находящиеся в пределах Хивы и живущие по Юргену, будут наслаждаться полным благодеянием под высоким покровительством России».² Не получив благоприятного ответа на свои письма Ата-Мурад и в течение 1868 года. Вопрос о занятии Красноводского залива и о продолжении нового пути в Среднюю Азию актуализировался только в 1869 г., после окончания завоевания Кокана и заключения соглашения с Бухарой.

На заседании Комитета «общества для содействия русской промышленности и торговле», состоявшемся 9 апреля 1869 г., была заслушана записка о положении Туркестанского края, составленная прибывшим из Ташкента чаеоторговцем Трубаниновым. Вопрос о развитии торговли со Средней Азией ставился в записке в первую связь с развитием удобных путей сообщения. Так как путь Оренбург — Ташкент пролегал по безводной пустыне, и отвлечение от проектируемой Сибирской железной дороги на Троицк, Петропавловск и Акмолинск было делом лишь отдаленного будущего, внимание автора записки привлекала мысль о скорейшем продолжении пути от Каспийского моря к Аральскому, что должно было сократить стоимость и сроки доставки товаров.³ Комитет решил поднять Трубаниновым вопрос подвергнуть «немедленной подробной разработке с участием специалистов».⁴ Через две недели (24 апреля) в стенах того же общества вопрос снова был поставлен на обсуждение. Был заслушан большой доклад Глуховского. Докладчик рисовал грозную русскую торговлю опасностью: стоимость русских товаров в Средней Азии, по сравнению со стоимостью их в Москве, так велика, что «Европа через Гиндукуш и Кавказ» может легко «наводнить среднеазиатские рынки своими изделиями» и тем «подорвать нашу торговлю и нашу мануфактурную промышленность». Удешевить русские товары в Средней Азии можно, только сократив путь и удешевив перевозку товаров. Докладчик предупреждал, что на развитие пароходства по Сир-Дарье рассчитывать не приходится как вследствие ее мелководности и быстрого течения, так и из-за малонаселенности районов нижнего течения ее. Когда Россия упрочит свое положение в Бухаре и Хиве, главных источниках хлопка, экономическое значение Ташкента для России уменьшится, но и в настоящих условиях товары из Москвы в Ташкент и обратно выгоднее везти по аму-дарьинскому, а не оренбургскому пути; сухой путь от Оренбурга до Бухары и Хивы составляет 1700 и 1300 верст, а от Красноводска — 700 и 600 верст. Когда откроется аму-дарьинский путь, — утверждал докладчик, — по этому «кратчайшему сухопутному и удобному... тракту будет двигаться почти вся торговля России со Средней Азией». «Одно географическое положение, — добавлял он, —

¹ МИД. Гл. Арх., I—9, 1864 г., № 11, лл. 48—106.

² Там же, лл. 24—28.

³ Там же, лл. 29—30.

⁴ Там же, лл. 115—127.

⁵ Там же, л. 257.

⁶ Там же, лл. 258—259.

⁷ Там же, 1865 г., № 4, лл. 1—28.

¹ ГИМ. Арх. Гроздекова, №№ 544/3 и 1/3.

² Там же, № 1/18.

³ Материалы по вопросу о торговых путях в Средней Азии, стр. 1—12, СПб, 1869.

⁴ Там же, стр. 13.

между Персией, Афганистаном, Китайским Туркестаном, Коканом и Россией придает аму-дарьинскому бассейну первостепенную важность как в политическом, так и в коммерческом отношениях». У докладчика был еще один аргумент: «Аму-дарьинский бассейн, находясь ближе к Москве, чем сыр-дарьинский, питая несколько ханств с оседлым населением, производящих и теперь хлопок от Аральского моря до Гиндукуша и имеет для снабжения русских мануфактур 2—2½ млн. пудов хлопка. Благоприятных результатов для развития нашей мануфактурной промышленности Россия может достигнуть в Средней Азии только при установлении торговых сношений с нею через Каспийское море».¹

Положения докладчика были встречены собранием с живейшим сочувствием. Выступавшие в прениях подтверждали, что отодвинутая государственной границы к югу от Ташкента ставит в центре внимания не долину Сыр-Дарьи, а более богатую дарами природы долину реки Аму. Выражали надежду на возможность восстановления старого течения Аму-Дарьи. Вспоминали о монументальных планах Петра I и Екатерины, о старых проектах Муравьева, Голубкова, Хрулева. Наконец, заявляли о необходимости сделать новый шаг с целью воспрепятствовать англо-афганской экспансии, которая прежде всего угрожает именно аму-дарьинскому бассейну.²

Общество устроило еще два заседания (5 и 14 мая), на которых обсуждалось вопрос о том, какой именно пункт на Каспийском побережье следует избрать для намеченной цели. Был избран Красноводский залив. Было решено «когда-нибудь» перед правительством о крайней необходимости безотлагательного открытия торгового пути от восточного берега Каспийского моря к реке Аму-Дарье и далее в Среднюю Азию.³

Когда Крыжановский ознакомился с протоколами Общества, он ответил на них пространной запиской (от 13 декабря 1869 г.), резко критиковавшей проект нового пути, устройство которого было, по его мнению, невозможно без завоевания Хивы. С своей стороны, как первоочередное практическое мероприятие, Крыжановский намечал проведение железной дороги от Самары к Оренбургу.⁴

Милотин соглашался с соображениями Крыжановского о желательности постройки железной дороги на Оренбург и считал правильным его замечание о необходимости завоевания Хивы, как гарантии безопасности красноводского пути. Вместе с тем Милотин известил (10 октября 1869 г.) председателя Общества, что будет оказывать полное содействие его проекту.⁵

Военное министерство было заинтересовано в данный момент в открытии военных операций в Красноводском заливе также и потому, что, готовясь продолжать начатое в Средней Азии продвижение, оно должно было думать о создании прочного тыла. Между тем на некоторых участках этого тыла было далеко не благополучно. Весной 1869 г., когда у казахов Оренбургского ведомства стало вводиться новое управление, когда стала упраздняться власть султанов, когда муллы стали утверждаться гражданским начальством (а не уфимским муфтием, как то было прежде), когда двое увеличился кибиточный сбор и распространился слух о предстоящем введении в Казахстане воинской повинности, среди казахов Тургайской и Уральской обла-

стей начались волнения. Участились нападения на купцов. Были случаи сожжения почтовых станций на Орско-казалинском тракте. Главным очагом брожения являлся район Мангышлака, где всплывали слухи о казахи Адаевского и Чумыш-Табинского родов.⁶

Как отмечалось самими местными властями, адаевцы были «поставлены в весьма фальшивое положение: номинально они подданные России... фактически же (экономически — А. П.) они зависят от Хивы и действуют в ее интересах».⁷ Хивинский хан распространял среди них «возмутительные письма» и возбуждал их, вторгаясь в русские владения, нападая на караваны, захватывая пленников. Письма, которые писал Кауфман (от 12 августа и от 20 октября 1869 г.) хивинскому хану, оставались без ответа. Отправленный к нему в качестве посла волостной старшина Бушаев был задержан на три месяца под арестом.⁸ «Беспорядки там (в киргизской степи) очень потрясали наше положение в Средней Азии», — писал Кауфман Стремухову 24 июля 1869 г., — «то непредвиденное обстоятельство слишком долго тянется и заставляет иногда задумываться за будущее».⁹

Перед Кауфманом стояла задача — отрезать адаевцев от Хивы. Для этого нужно было выставить от восточного берега Каспийского моря на пути к Хиве вооруженный заслон. «Высидка в Красноводском заливе» — писал Кауфман Стремухову — «докажет хивинцам и киргизам, что его величество решил остановить движение мятежников и что, в случае упорства Хивы, она будет раздавлена. Я думаю, что хан не послушает моих советов до тех пор, пока не увидит, что приняты меры к его наказанию».¹⁰ Директор Азиатского департамента на этот раз особых препятствий военному ведомству не чинил. 31 мая 1869 г. он сообщал Кауфману, что в Красноводске решено, по дружескому соглашению с Персией, устроить укрепленную факторию «для стоянки нашей эскадры, а главное, для развития нашей торговли». Знал о намерениях Кауфмана относительно Хивы, он подчеркивал, что при этом «вовсе не предполагалось ходить войною на Хиву». «Я убежден», — писал он, — «что не окажется надобности ни в каких заграничных экспедициях, а скорее полагаю, что правительство должно употребить все возможные усилия, чтобы как можно скорее потушить беспорядки в степи».¹¹ 14 октября 1869 г. Стремухов сообщал Кауфману, что, согласно распоряжению царя, Красноводск должен быть занят в этом же месяце: «это представит великие неудобства для нашей дипломатии, но как-нибудь справимся». «Я не сожалею об этом затейном», — добавлял Стремухов, — «а, напротив, ему искренне радуюсь, если только оно должно служить развитию нашей торговли и приведению Хивы к тому же знаменателью, как Кокана и Бухары, но, боже сохрани, если это будет шагом к новым завоеваниям... Верьте мне на честное слово, что в настоящее время новое расширение пределов было бы самым решительным вредом для нашего отечества. Дай бог перовратиться удачно, что мы уже так быстро проглотили».¹² Тогда же началось подготовка общественного мнения в «Русском Инвалиде» и катковских «Московских Ведомостях», связывавших операции по занятию Красноводского залива с проектом

¹ М. Терентьев. Указ. соч., II, стр. 62; П. Ю. и П. Адаевский бунт на полуострове Мангышлак в 1870 г. («Русская Старина», VII, 1894 г.).

² ГИМ, Арх. Гродекова, № 2/2 — Письмо нач-ка Астраб. морск. станции кн. Ухтомского директору Аз. деп-та от 20/XI 1869 г.

³ М. Терентьев. Указ. соч., II, стр. 66—67.

⁴ МИД, Гл. Арх., I—9, 1867 г., № 16, лл. 35—40.

⁵ Там же.

⁶ ГИМ, Арх. Гродекова, № 4/23.

⁷ МИД, Гл. Арх., I—9, 1867 г., № 16, лл. 41—46.

¹ Материалы по вопросу о торговых путях в Средней Азии, стр. 13—48.

² Там же, стр. 51.

³ Там же, стр. 61.

⁴ ЦВИА, оп. 908, св. 501, 1869 г., № 43, лл. 44—65.

⁵ Там же, л. 6.

направления течения Аму-Дарьи по старому руслу и представляющих все это дело, как «вполне достойный ответ на открытие Суэцкого канала».¹

Позиция Азиатского департамента определялась в рассматриваемую пору еще одним моментом. Относительно успешное и относительно быстрое завершение дел, начатых царским правительством в Коканде и Бухаре, свидетельствовало о том, что расчеты английской дипломатии на Среднюю Азию, как на трясину, в которой Россия могла надолго завестись, не оправдывались в полной мере. Еще совсем недавно, в 1865 г., статс-секретарь по иностранным делам Великобритании Рассел публично солидаризировался с мнением президента королевского географического общества Мурчисона, который говорил о закономерности продвижения царской России к плодородному Чимкенту, находил в этих действиях черты сходства с продвижением англичан в Индию и доказывал полную неосновательность опасений за безопасность Индии.² Еще в 1867 г. статс-секретарь по делам Индии Порекот заявлял, что завоевания царизма в Средней Азии являются «естественным последствием обстоятельств» и что завоевания эти не являются угрозой для Индии.³ В 1868 г. в английских политических кругах появляются новые, тревожные, настроения. Со страниц английской печати не сходит среднеазиатский вопрос, растет страстная враждебность тона. В лице Раулинсона эти настроения нашли своего наиболее яркого выразителя. В своей записке, относящейся к 1868 г., Раулинсон рисовал картину систематического продвижения царской России к Индии, которая уже находится в положении осажденной страны: Россия остается лишь заложить «третью параллель» по персидской границе к Герату, через Кандгар и Кабул, и занять Мерв, как «ключ» к Индии. Англия должна ответить на это укреплением своих позиций в Персии и, вмешавшись в афганские дела, стать твердой ногой в Афганистане. Делегацией от 10 февраля 1869 г. русский посол в Лондоне извещал Горчакова о переходе индийского правительства от бездействия к укреплению своего положения на северных и северо-западных границах Индии и о деятельной поддержке, оказываемой им афганскому эмиру Шир-Али.⁴

В эту пору Шир-Али проводил энергичную работу по уничтожению в Афганистане ленных владений, по организации центрального государственного аппарата и постоянной армии. Деятельность Шир-Али была успешна. Сопротивление крупных феодалов было сломлено. Азим-хан и Абдурахман бежали за границу и скрывались в пределах России. Шир-Али посетил Британскую Индию и был принят там с величайшим почетом.⁵ Английские дипломаты рассматривали Афганистан не только как «ворота» в Индию,⁶ как высоту, над ней господствующую, но и как «рычаг», при помощи которого можно усилить английское влияние в Средней Азии. Поэтому англичане готовы были идти на материальные жертвы и, по Амбальскому договору 1869 г., отпустили Шир-Али ружья, артиллерию и 3 млн. фунтов стерлингов деньгами. Недаром соседняя слабая Персия, успешная в период господствовавшей в Афганистане междоусобицы от-

торгнуть от него Сеистан, с тревогой смотрела на возрастающую мощь афганского правителя.⁷ Не меньшую тревогу возбуждали действия Шир-Али и у царского правительства. Русский посланник в Тегеране доносил (9 октября 1869 г.) о том, что Шир-Али «взял под свое покровительство враждебного России сына эмира бухарского и подчинил своему влиянию правителя Шахризабза».⁸ Кауфман сообщал (19 января 1870 г.) Милютину о намерениях эмира совершить поход на Аму-Дарью и заложить там под руководством английских инструкторов крепость.⁹

В то же время приходили известия о готовности текинцев признать покровительство Шир-Али-хана. Еще раньше, в годы войны с Кокандом и Бухарой, и особенно во время самаркандского восстания, когда на помощь восставшим подходили отряды шахризабзских беков, царское правительство серьезно опасалось возможного образования против него коалиции среднеазиатских ханств. Тогда эта коалиция могла сложиться под эгидой эмира бухарского. Теперь над царскими генералами снова навис грозный призрак среднеазиатской коалиции, складывавшейся по инициативе англо-индийского правительства под эгидой эмира афганского.¹⁰

В начале 1870 г. Кауфман утверждал, что переговоры о создании такой коалиции Шир-Али вел с Бухарой, Хивой и шахризабзскими беками.¹¹ В своем письме к Милютину от 7 июня 1869 г. Кауфман сообщал о росте антирусских настроений в Бухаре и о колдованиях эмира, который живет под страхом возрастающего могущества Шир-Али-хана.

«Престиж Шир-Али-хана в глазах средне-азиатцев уже факт, который отчасти влияет и на наших купцов, не доверяющих возможности спокойного состояния в Туркестанском крае. Допуская даже, что против нас и не образуется враждебная коалиция среднеазиатских владетелей с Шир-Али-ханом во главе, нельзя не согласиться, что новая сила уже одним своим нравственным влиянием будет так поддерживать натянутость наших дел, что весьма вредно отразится на наших торговых интересах и даст возможность англичанам, воспользовавшись спокойствием в Афганистане... наводнить среднюю Азию своими произведениями и тем окончательно убить наше торговое там значение, т. е. тот интерес, надежды на который и были до сих пор нашим там двигателем». В качестве превентивной меры борьбы с этой «враждебной коалицией» Кауфман выдвигал план «высадки отряда войск с Кавказа на восточный берег Каспийского моря».¹²

Стремлений успокаивал Кауфмана, называя идею «среднеазиатской коалиции» «неосуществимой фантазией».¹³ Сам он считался с этой опасностью, но, с одной стороны, рассчитывал на шаха персидского, который сумеет наделать эмиру «разных затруднений и пакостей»,¹⁴ главным же образом надеялся на то, что рассеять этот призрачный уласть дипломатическими переговорами, которые уже начались в Лондоне.

¹ Д-р Р. Уилл. Англо-русское соперничество в Азии в XIX в., стр. 77, М., 1924; ЦВИА, ВУА, № 6810, лл. 15—16 — Делегация Зиновьева от 17/IV 1869 г.

² ЦВИА, ВУА, № 6796, л. 9.

³ Там же, № 6821, л. 14.

⁴ «Военный сборник», 1872 г., № 3, ст. «Красноводский отряд в 1869—1870 гг.», стр. 45.

⁵ ЦВИА, ВУА, деп. II отд., 42—492, лл. 146—150 — Письмо Кауфмана к Милютину от 2/II 1870 г.; там же, № 6281, л. 32 — то же от 26/II 1870 г.

⁶ МИД, Гл. Арх., I—9, 1867 г., № 16, лл. 22—28.

⁷ Там же, лл. 41—46.

⁸ Там же.

В начале 1869 г. английский министр иностранных дел Кларендон предложил Бруннову прийти к соглашению об образовании в Средней Азии нейтральной зоны, которая предохраняла бы Россию и Англию от взаимного соприкосновения. Бруннов, получив санкцию Горчакова (депеша Горчакова от 24 февраля—8 марта 1869 г.), согласился в принципе с проектом Кларендона, заверив последнего, что считает Афганистан совершенно вне той сферы, на которой Россия могла бы быть призвана оказывать свое влияние.¹ Кларендон выразил удовлетворение по поводу русского ответа. Однако через некоторое время английский поверенный в делах в Петербурге Румбольд заявил, что Афганистан не может быть признан нейтральной территорией, и предложил считать нейтральной территорию, лежащую по течению Аму-Дарьи и сопредельную с Бухарой. Это означало, что англичане хотят отбросить Россию от Хивы и от Аму-Дарьинского бассейна. Горчаков отклонил английское предложение. В начале сентября в Гейдельберге состоялось свидание Горчакова с Кларендоном. Кларендон говорил об опасностях, протекающих от тесноты между генералов, и настаивал на необходимости создания нейтральной зоны. Он снова предложил наметить буферную полосу по линии левого берега Аму-Дарьи. С этой стороны Горчаков предложил признать в качестве буфера Афганистан. Кларендон указал на недостаточную определенность границ Афганистана.²

Омен мнений не привел ни к какому практическому результату. В самом конце декабря 1869 г. Петербург посетил ответственный чиновник индийской службы Дуглас Форсайт, уполномоченный императором Индии на ведение переговоров с Россией. Форсайт снова поднял вопрос об определении нейтральной зоны. Он проявил готовность пойти на сближение с петербургским кабинетом. Было признано, что границы Афганистана определяются землями, находящимися в его действительном владении, и что Россия воспринимает вред бухарскому эмиру причинять вред афганской территории. Афганистан— в этом, по крайней мере, Горчаков был уверен— признавался во время переговоров нейтральной территорией. Горчаков одобрил представленную ему на прочтение депешу Форсайта, не достигая ее до конца: в постскрипуме значилось, что английские офицеры могут посещать «нейтральный» Афганистан. Договориться по вопросу о том, что считать действительными владениями Шир-Али, окончательно не удалось: Бадахшанская и Вахтанская области не подчинялись эмиру, и царская дипломатия считала, что они не могут быть отнесены к числу афганских владений.³ Соглашение снова не было достигнуто. По весь ход дипломатических переговоров с Англией по среднеазиатским делам убеждал царскую дипломатию в том, что, стараясь всячески противодействовать утверждению русского влияния в бассейне Аму-Дарьи, Англия не отказалась от мысли утвердить свое могущество в Афганистане, как плацдарме для дальнейших действий в Средней Азии. Результаты же осеннего свидания министров в Гейдельберге побудили царское правительство поспешить с активными операциями на восточном побережье Каспийского моря, начав их даже ранее срока, намеченного первоначально царем.

5 ноября 1869 г. отправленный в Кавказского побережья отряд высадился в Красноводской бухте. «В случае образования враждебной нам коалиции среднеазиатских владетелей или необходимости поддержания принесенного нам покорность бухарского эмира против ко-

алиции других,— писал по этому поводу начальник Окружного штаба Кавказского военного округа ген. Свистунов,— пункт этот, находящийся от Хивы в расстоянии 700 верст, может служить исходной точкой и базой для действий отряда кавказских войск, переправленного через Каспийское море для совокупных с войсками Туркестанского округа операций». Назначенному начальником высадившегося отряда ген. Столетову было предписано произвести разведку побережья в Балханских горах, всесторонне исследовать местность, изучить пути сообщения, завязать связи с туркменами, но отнюдь не влиять в военные действия с кем бы то ни было. Около года спустя, в августе 1870 г., ген. Свистунов, которому был подчинен действовавший в Красноводском заливе отряд, подытоживая последствия занятия царскими войсками Красноводска, в записке, составленной им специально для министерства иностранных дел, мог говорить о заметном оживлении края, об установившихся регулярных парокходных рейсах между Баку и Красноводском, о полном превращении в связи с этим Каспийского моря в «русское озеро», о дружественных отношениях, которые удалось завязать с немцами. «Таким образом, хотя медленно, шаг за шагом, но не уклоняясь от избранного направления, мы подвигались к достижению указанной цели— к утверждению на удобнейшем для сего пункте, близ Балханского залива, и к изысканию отсюда путей в глубь Средней Азии, без всяких завоеваний или захватов». Оптимистическую оценку, давшуюся десантным операциям во вступительной части записки, ген. Свистунов сопровождал однако рассуждениями совсем иного порядка. В рассматриваемую пору статьи Каткова, агитировавшего за открытие нового пути в Среднюю Азию, вызвали возражения со стороны умеренно либерального «Вестника Европы», находившего, что торговое значение Красноводска будет ничтожно, что занятие его бесполезно и поведет только к новым, тягостным для метрополии колониальным приобретениям.⁴

Свистунов, соприкасаясь в своей аргументации с «Вестником Европы» и вспоминая всю предшествующую историю царской политики в Средней Азии, характеризующую им как «крайнее ущемление погрешками дешевых даров», отпасающее силы государства от разрешения важнейших европейских проблем, приходит в бесполое по поводу тех последствий, какие должно повлечь за собой утверждение царской власти на берегу Красноводского залива. Полагая, что последствием этого будет продолжение завоеваний и расширение русских границ до персидского Хорасана и Афганистана, Свистунов, как на наиболее радикальный выход из создавшегося положения, указывал на желательность «очистить от наших отрядов весь восточный берег Каспийского моря, отказавшись от всякого с этой стороны влияния России на дела Средней Азии и даже от всякого покровительства... нашей торговле». Такие экстравагантные в устах начальника штаба рассуждения, развивавшиеся им к тому же после того как высадка была сделана, можно объяснить тем, что он, как участник в руководству действиями красноводского отряда, хотел сыграть с себя перед министерством иностранных дел сызкую ответственность за события, которые развивались на Каспийском побережье и были чреваты крупными международными последствиями.

¹ МИД, Га. Арх., I—9, 1870 г., № 22, лл. 4—76 — Записка, составленная Свистуновым 15/VIII 1870 г.

² Там же, стр. 45.

³ Там же, стр. 52.

⁴ «Вестник Европы», 1870 г., VI, стр. 804—805, ст. Л. М-р а. Новый шаг в Средней Азии.

⁵ МИД, Га. Арх., I—9, 1870 г., № 22, лл. 4—76.

К тому времени, когда Свистунов составлял свою записку, красноводский отряд не только выполнил данное ему поручение, но и перешел к перевыполнению своих заданий. К началу 1870 г. мангышлякское приставство с Александровским фортом было передано в ведение кавказского начальства. Возвращения казахов на Мангышлаке не прекращались. В начале апреля 1870 г. мангышлякский пристав Рукин с командой в 40 человек в четырех верстах от Александровского форта был захвачен в плен повстанцами адаевцами и убит. Кавказское начальство послало войска на выручку форта и для наказания адаевцев. Последние откочевали. Пришлось послать подкрепления и в июне двинуть войска в глубь страны. Адаевцы принесли повинную. Но пленные остались не выреченными, а виновными не понятыми. Предстояла новая экспедиция. Часть адаевцев откочевала в Хиву. Но и оставшиеся поддерживали связь с хивинцами. Хивинские отряды появились в казахской степи. Участились случаи ограбления русских купцов. Хивинцы парализовали караванную торговлю и занялись искусственным обмелением устьев Аму-Дарьи. Препровождая Милютину экземпляры воззваний хивинского хана к казахам, Крыжановский еще в ноябре 1869 г. писал о том, что «подобного рода действия не должны остаться безнаказанными». Крыжановский предлагал тогда установить временную границу между Каспийским и Аральским морями, но добавлял, что «если сообразоваться с другими целями правительства» (овладение рекою Аму-Дарья, проведение железной дороги в аму-дарьинском бассейне), то «можно, пользуясь фактически доказанными враждебными действиями хивинского хана, взять города Кушград и Хиву и уничтожить хивинское ханство». Не связанный непосредственно с театром военных действий, Крыжановский не был особенно склонен увлекаться идеей завоевания Хивы. «Надо в этом случае не заблуждаться, — писал он, — гораздо будет легче взять Хиву, чем потом отделаться от нее. Заняв этот сам по себе ничтожный город, надо будет или уничтожить его дотла, или оставить его за собою и сделать из него центр новой русской провинции и, следовательно, быть готовыми к большим финансовым жертвам, неизбежно связанным с завоеванием «пустыни и ничего не приносящих провинций».¹

С меньшим хладнокровием относился к вопросу ближе связанный с районом развертывавшихся событий Кауфман. Первоначально он пытался достигнуть своих целей дипломатическим путем. Он отправлял хивинскому хану письмо за письмом с требованием прекратить грабежи караванов, возвратит пленных и показать виновных. Освободившийся от соперничества Бухары, приведший к покорности туркоман, усиливший свое влияние среди казахов, защищенный от русских нападков, хивинский хан не отвечал на письма Кауфмана. Как отмечал Крыжановский, хан занял враждебную по отношению к России позицию в связи с установлением после 1866 г. непосредственных торговых сношений между Россией и Бухарой, нанесших ущерб хивинской торговле. Свое четвертое по счету письмо к хану, посланное в январе 1870 г., Кауфман заканчивал словами: «Всякому терпению есть конец, и если я не получу удовлетворительного ответа, то позвум его».²

Тогда же (18 января 1870 г.) Кауфман писал Стреломухову, что, если хан согласится на предъявленные ему требования и откажется

от вмешательства в казахские дела, «тогда можно еще надеяться на сохранение на некоторое время status quo». «Я совершенно убежден в том, — добавлял однако Кауфман, — что рано или поздно нам не миновать столкновения с этим ханством».³ Стреломухов на этот раз не разубеждал Кауфмана. Он даже считал, что своими письмами Кауфман не сумеет разубедить хана хивинского. «Хива, конечно, не избегнет своей участи (надеюсь, не присоединения, а подчинения), — писал он Кауфману 6 марта 1870 г., — но едва ли было бы своевременным направлять теперь же наши военные силы на это владение». Развитие торговли с Бухарой и на восточном побережье Каспийского моря, закрепление отношений с туркменами, упрочение гражданского порядка в Туркестанском крае — все это, по мнению Стреломухова, должно было предшествовать решительным действиям, направленным против Хивы.⁴

На состоявшемся в первых числах января 1871 г. при военном министерстве совещании по делам Закаспийского края, на котором в числе прочих присутствовал вел. кн. Михаил Николаевич, главнокомандующий на Кавказе, точка зрения Кауфмана, высказанного за скорейшее выступление против Хивы, не получила общего признания. Совещание, признавая в принципе «необходимость для нас решительных действий против Хивы», по учету «беспокойное настроение пограничного населения» и крупные издержки, к которым повелит проводимая без предварительной подготовки экспедиция, считало, что «в настоящую минуту время для этой крайней меры еще не наступило».⁵

Позиция военного министра оставалась настолько же четкой, насколько и непреклонной. В своей пометке, сделанной (29 октября 1871 г.) на доносении командировавшего в Туркестанский край штаб-кап. Шенелова, где трактовался вопрос об изменении границ Туркестанского ген.-губернаторства, Милютин отмечал, что «рано или поздно неизбежен поход на Хиву, но что «надобно выждать сколько возможно» и «быть готовым... на решительный удар, который мы так давно стремимся отсрочить даже в ущерб достоинству государства».⁶ Побудительным мотивом к таким действиям «даже в ущерб достоинству государства» послужили события, разыгравшиеся не на хивинской границе. Почта для хивинского похода была в это время уже подготовлена.

В течение 1870 года Кауфману удалось урегулировать взаимоотношения с Афганистаном. Россия обещала не вмешиваться в дела Афганистана, последний обещал не вмешиваться в дела Бухары.⁷ Отношения с Персией носили вполне дружественный характер.⁸ Миссия командированного в Бухару полк. Носонича дала благоприятные результаты. «Эмир твердо решился — доносил Кауфман — держаться союза с Россией. Он отклонил от себя всякую солидарность с замыслами кабульцев и шахризавцов... Он видит свое спасение только в дружбе с своим сильным соседом. Для чего готов стать даже в положение зависимое, почти вассальное».⁹

¹ Там же, дд. 49—50.

² Там же, дд. 54—58 и 59—60.

³ Там же, дд. 93—130 — Доклад военного министерства по главному штабу от 10/1 1871 г.

⁴ Там же, 1869—1872 гг., № 14, дд. 84—85.

⁵ ЦВИА, ВУА, № 6824, дд. 70—74, 138—150.

⁶ Там же, № 6819, дд. 160—161.

⁷ МИД, Гл. Арх., 1—9, 1870 г., № 18, дд. 11—12 — Письмо Кауфмана Горчакову от 16/VIII 1870 г.

⁸ МИД, Гл. Арх., 1—9, 1869—1872 гг., № 14, дд. 33—38 — Письмо Крыжановского Милютину от 7/XI 1869 г.

⁹ Там же, 1869 г., № 20, дд. 51—53.

В то же время выдвигалось, что хивинцы портят русско-туркменские отношения и наносят вред местной торговле, что туркмен не удалось оторвать экономически от Хивы, и надежды наладить торговый путь через восточный берег Каспийского моря рушились.¹ В результате ряда произведенных рекогносцировок удалось изучить условия будущего похода на Хиву. Был разработан подробный план экспедиции и вычислена стоимость ее.² План Кауфмана заключался в том, чтобы с осени 1871 г. начать решительные действия, устроив опорный пункт на Аму-Дарье. В марте 1871 г. вопрос был передан на решение царя.³ План Кауфмана получил одобрение. Однако письмом от 4 мая 1871 г. начальник Главного штаба Гейден уведомил Кауфмана, что «начатие несприятельных действий против Хивы в нынешнем году» снова признано «не своевременным». «В настоящее время — разъяснял Гейден — самое главное значение имеет для нас распространение на наших окраинах мусульманского движения в Китае; поэтому уже решено теперь же приступить к деятельным мерам для охранения наших политических и торговых интересов в Монголии и Западном Китае».⁴

Поход на Хиву снова откладывался. Кауфману приходилось переключить свою энергию на кульджинский вопрос. «Столкновение с тарапачами», писал он Стремоухову (21 июня 1871 г.), «потому неприятно, что оно случилось как раз в то самое время, когда я получил предписание об осенней экспедиции (на Аму-Дарью)... По моему мнению, следует ограничиться занятием Кульджи, водворением там китайского правительства и обождать разрешения обстоятельств».⁵

IV. КАШГАРСКИЙ ВОПРОС. ОКУПАЦИЯ ИЛИЙСКОГО КРАЯ

Вопрос, которым Кауфману пришлось заняться, для Китая не был новым. В начале 60-х годов в Западном Китае, в провинциях Ганьсуй и Шаньси вспыхнуло восстание, известное под именем дунганского. Восстание дунган, китайских мусульман (племен, переселившихся некогда из Ср. Азии и ассимилированных китайцами), преобладавших среди населения данного района, быстро разрослось, охватило всю Джунгарию и распространилось на запад — в Кашгарию (Восточный Туркестан).⁶ Ослабленное войной с Англией и Францией и таптинским восстанием, китайское правительство было бессильно. Китайские гарнизоны поголовно истреблялись. Поля обращались в пустыни, города — в развалины. В пограничных с Россией провинциях движение поддерживалось тарапачами, вытесненными в 1829 г. из Кашгара при подавлении восстания и попавшими в положение изгнанных-каторжных. Отношения между дунганями и тарапачами обострились. Китайское правительство вошло в соглашение с дунганями, обещав им права и преимущества, которых они добивались. Тарапачи продолжали борьбу. Города Чугучак и Урумчи были разрушены; в Кульдже китайский гарнизон был в осаде. 21 июня 1863 г. царское консульство покинуло Кульджу. Русская фактория в Чугучаке была сожжена.⁷ Русско-китайская торговля была парализована. В 1866 г. кульджинский даянь-дзюнь вынужден был взорвать себя на воздух.

Дунганы терпели неудачи и были вытеснены тарапачами. Власть в Кульдже и во всей Илийской провинции захватили тарапачи. Пограничные кочевые казахи поддерживали их. Разрастался баранца. Граница Семипалатинской области на протяжении 1500 верст соприкасалась с районом, охваченным восстанием. Даянь-дзюнь неоднократно (в 1864, 1865 гг.) обращались к царским пограничным властям за помощью. Царское правительство воздерживалось от вмешательства. В результате китайская граница отодвинулась от России — между Россией и Китаем образовалась живая стена из восставших племен, объединяемых властью кульджинского султана.

Положение осложнялось событиями, происходившими в Кашгарии. В конце 1863 г., когда главные города Кашгарии перешли в руки восставших, но не было еще общепризнанной власти, а китайцы держались только в гудьбахе Кашгара, соседний Кокан, который издавна стремился к отторжению Кашгарской провинции от Китая, решил воспользоваться обстоятельствами. В Кашгарию был послан Бузурук-ходжа, считавшийся одним из потомков первого проповедника мусульманства в Восточном Туркестане. Бузурук был дан небольшой отряд под командой Якуб-бека, бывшего правителя Ак-Мечети, человека выдающегося ума и сильной воли. Бузурук был провозглашен правителем Кашгарии. Якуб-бек стал во главе войск и фактически управлял страной. После того как коканский хан Алим-Кул был убит под Ташкентом (9 мая 1865 г.) и царские войска стали утверждаться на коканской территории, кашгарцы вышли из зависимости от Кокана и, уничтожив китайский гарнизон, объявили о своем отлучении от Китая.

Якуб-бек отстранил Бузурука от власти и, преодолев сопротивление коканских кипчаков, соединил под своей властью кашгарский, аркенский, хотанский и янгичесарский округа (1866/67 г.) и был провозглашен ханом. Подняв восстание калмыков и вступив в победоносную борьбу с дунганями, он овладел Урумчи и Куна-Турфаном. Он стремился расширить свою территорию также к северу за счет коканских земель, но завоевание Россией Кокана приостановило его продвижение в этом направлении. Китайское правительство оставалось пассивным, рассчитывая, что отложившиеся провинции сами достаточно ослабят друг друга в результате междоусобной борьбы. Царское правительство, придававшее исключительное значение западно-китайскому рынку и заинтересованное в сохранении традиционной дружбы с Китаем, считало необходимым держаться осторожной выжидательной тактики. Совершив осенью 1867 г. поездку по западно-китайской границе, Кауфман приходил к заключению, что «владычеству дунганей... скоро настанет конец» и что недопущены будут и тарапачи. Кауфман находил, что «водворение прежнего порядка вещей было бы самым выгодным для нас исходом» (его письмо к царскому посланнику в Пекине от 26 октября 1867 г.) и что «полезно было бы не только не препятствовать такому ходу дела, но даже насколько возможно содействовать ему и этим дуть попутный ветер, что мы на их стороне».¹ На такой же позиции стоял и Стремоухов. Тогда же (22 ноября 1867 г.) он писал Гейдену, что Россия попрежнему признает права китайского правительства в Западном Китае и Восточном Туркестане, что манчжуры, «смотря на свою слабость, под конец всегда одерживали верх» и что «не было бы согласно с правилами благоразумия» портить отношения с правительством богдыхана.²

¹ ЦВИА, ВУА, деп. II отд., 42—492, лл. 208—219.

² Там же, лл. 151—153.

³ Там же, лл. 252—253.

⁴ МИД, Гл. Арх., I—9, 1868 г., № 20, лл. 147—156.

⁵ Там же, 1867 г., № 16, лл. 57—58.

⁶ Н. Веселовский, История Востока, стр. 133—135, Сиб., 1910; А. И. Роваткин, Уман. соч., стр. 127—151.

⁷ М. Терентьев, Уман. соч., II, стр. 10—17.

¹ МИД, Гл. Арх., I—9, 1863—1878 гг., № 14, лл. 7—12.

² Там же, лл. 12—14.

Однако удержаться на таких позициях в кашгарском вопросе царскому правительству в полной мере не удалось. Во-первых, как отмечал Кауфман и с чем соглашался Стремоухов, власть Якуб-бека «уже высказывалась в некоторой степени сильной и твердой». А, во-вторых, не было бы в свою очередь «согласно с правилами благо-разумия» дать опередить себя в кашгарских делах англичанам. Между тем, как сообщал еще в 1865 г. царский консул в Кульдже (20 ноября), уже тогда англичане прислали в Яркенд своих агентов из Кашмира и хлопотали об уступке им места для устройства торговой фактории, а когда в том же году в Яркенде произошла смена власти, они предлагали новому правительству свою поддержку за предоставление места для фактории.² 20 января 1867 г. тот же консул сообщал, что прибывшие из Индии англичане ведут с Якуб-беком переговоры об открытии торговли в Кашгарии. «Продолжающееся доселе митическое состояние Туркестана, — замечал консул, — не остановит англичан в их намерении завладеть торговлею Восточного Туркестана и Средней Азии со всем западным Китаем, точно так же, как не остановил их громадный мятеж тайпингов устроить свою торговлю в центральном Китае, почти в среде самого мятежа».³

В сентябре 1867 г. полк. Полторацкий, производивший рекогносцировку в верховьях Нарына, отправил Якуб-беку письмом с предложением установить с Россией правильные торговые сношения. Якуб-бек ответил согласием, хотя и словесным, на устройство в Кашгаре русского караван-сарая и на постоянное пребывание там старшины русских торговцев.⁴ Заключение директора Азиатского департамента по данному вопросу гласило: «Не признавая возможным давать дальнейший официальный ход начатым с кашгарским владетелем сношениям, министерство иностранных дел... вполне сочувствует предположениям относительно открытия Восточного Туркестана для торговой предприимчивости русских подданных». Стремоухов находил это особенно желательным в данный момент, когда «рынки Западного Китая, вследствие продолжающегося там восстания, закрыты может быть на долгое время».⁵

В марте 1868 г. купец Хлюдов снарядил караван и, перевалив через Тянь-Шань, прибыл в Кашгар. Ему удалось не только продать свой товар, но и «сойтись с Якуб-беком», который отправил с ним в обратный путь своего племянника Шади-Мирзу для переговоров с Кауфманом.⁶ Кауфман был в эту пору в Петербурге. Верненские власти пропустили Шади-Мирзу в Петербург. Согласно директивам Азиатского департамента, Кауфман вел с Шади-Мирзой переговоры только по торговым и пограничным делам, не влекущим за собою признания царским правительством Якуб-бека «законным владетелем Кашгара».⁷ «Впоследствии, — рассуждали в министерстве иностранных дел, — мы сможем даже откровенно заявить в Пекине существование заключенных с Якуб-беком условий, так как это несколько не нарушает трактатов».⁸

В августе 1868 г. хлюдовский приказчик Кривошеин отправился в Кашгар с караваном из 120 верблюдов, нагруженных мануфактурой.

На этот раз предприятие было не так удачно. Якуб-бек, лично осматривавший товар, назначал по своему усмотрению крайне низкие расценки и, мало того, заставлял Кривошеина купить на выроченные деньги свой же собственный шелк по дорожной цене. Кривошеин жаловался на «недоверие и подозрительность», проявляемые Якуб-беком, на естественные условия торговли и находил, что «торговля с Кашгаром при таких распоряжениях неудобна». Тогда же (октябрь 1868 г.) в Кашгар было отправлено посольство штабс-капитана Рейнталля для обмена дружественными письмами с Якуб-беком. Якуб-бек выразил желание жить в мире с Россией, но Рейнталль «не остался доволен приемом, который ему был сделан... Его содержали как бы под стражей, не позволяли осмотреть города». Сведений о Кашгаре Рейнталлю собрать не удалось.¹ В эту же пору в Индии готовилось отправление в Кашгар большого, пышно обставленного, посольства Форсайта. Форсайт проектировал образовать из восточного Туркестана нечто вроде нейтральной территории, на которой английские и русские купцы могли бы свободно вести торговлю. Стремоухов относился к этой идее недоброжелательно. Он считал, что понятие нейтральной территории не применимо к торговым делам, в основе которых лежит соперничество; к тому же он не хотел примириться с мыслью о том, что русская пограничная торговля не будет пользоваться особыми преимуществами перед английской, идущей через Кашмир и Китай, и что Якуб-бек перед лицом находящегося в близком соседстве русских укреплений и русской вооруженной силы не отдаст в конечном счете предпочтения дружбе с Россией.²

Однако ответ на предложенные царским правительством условия торговых сношений с Кашгаром³ от Якуб-бека не поступал. Вместо этого Якуб-бек в связи с постройкой царскими властями укреплений на Нарыне писал Кауфману о желательности разграничения.⁴ К осени 1869 г. Стремоухов приходил к заключению, что Якуб-бек заискивает у англичан и покровительствует их торговле.⁵

В 1870 г. прибыло в Кашгар английское посольство Форсайта. Как сообщал Кауфман, Якуб-бек принимал англичан «с большим почетом и чрезвычайно обременен их приездом».⁶ Англичане подарили Якуб-беку артиллерийскую батарею и 10 тысяч ружей. Ориентация Якуб-бека явно определялась. Отправившийся в следующем году с русским караваном приказчик Немчинов жаловался: «Пять месяцев живу без всякого дела... двое людей сидят на гауптвахте уже 5 месяцев, меня же из сарая не выпускают никуда и хорошего ничего не слышал. Поручил себя богу».⁷ В переклачеванном царскими властями (ноябрь 1871 г.) письме Якуб-бека к Худоярхану кашгарский правитель писал о необходимости «расширить владения мусульманства и дать силу и значение шариаду»; он выражал свое отрицательное отношение к дунганам как нарушителям шариада; в русском же, по его словам, местное население относится неприязненно и на русских купцов смотрит как на разведчиков.

¹ Там же, 1868 г., № 24, лл. 10—15 — «Вторая записка по среднеазиатским делам», составленная Стремоуховым в начале 1869 г.

² Там же, лл. 2—9 — Записка Стремоухова от 30/XI 1868 г.

³ Право постройки караван-сарая, 2½% пошлины, безопасность караванов, личная безопасность русских купцов, права их, свобода торговли в Кашгаре.

⁴ МИД, Гл. Арх., I—9, 1868 г., № 24, лл. 16—31 — «Третья записка по среднеазиатским делам», составленная Стремоуховым 1/XI 1869 г.

⁵ Там же.

⁶ Там же, 1865—1874 гг., № 14, лл. 45—46.

⁷ Там же, лл. 54—55 — Письмо Немчинова Чупошинову от 15/X 1871 г.

¹ МИД, Гл. Арх., I—9, 1865—1878 гг., № 14, лл. 2—3.

² Там же.

³ Там же, лл. 4—8.

⁴ Там же, лл. 9—11 — Доклад полторацкого Хрушова от сентября 1867 г.

⁵ Там же, лл. 12—14.

⁶ Там же, лл. 25—27 — Отношение Кауфмана Стремоухову от 26/X 1868 г.

⁷ Там же, л. 28 — Отношение Стремоухова Кауфману от 8/XI 1868 г.

⁸ Там же, л. 32.

«Сколько городов они уже забрали, — заканчивал свое письмо Якуб-бек, — но никогда не соглашались на уступки. Шарият этого не может переносить».¹

Онакомившись с перепиской двух соседних ханов, Кауфман мог категорически заявить Стреломуху, что Якуб-бек враждебно относится в России, хочет играть роль защитника мусульман и шарията и не намерен допускать русских купцов в Кашгар.² Кашгар оказывался потерянными для России, как рынок. Вместе с тем правительство Якуб-бека, захватив Урумчи, продолжало свое наступление на кулджинских дунган. В этой связи становится понятным то обстоятельство, что в эти же годы, как только наметилась новая внешнеполитическая ориентация Якуб-бека и определились судьбы кашгарского рынка, царское правительство стало на путь решительных мер для сохранения за собой рынка кулджинского. Для этого надо было только сосредоточить на границе с Кулджинским султанатом достаточное количество войск и дожидаться момента, «когда таранчинские войска сами предпримут военные действия».³ Это было сделано в конце 1870 г.

Поводы для столкновения скоро нашлись. В декабре того же года казахи-адвенты откочевали за китайскую границу. В погоне за ними был послан казачий отряд. Начались стычки с отрядами таранчей. В марте 1871 г. прапорщик царской службы Тазобеков, влиятельный среди казахов Верненского уезда, вошел в сношения с таранчами и бежал за границу, увлекая за собою до тысячи казахов-князиков. Он был обвинен в государственной измене, и для преследования его был послан новый отряд, который снова имел вооруженное столкновение с таранчами. Военные действия развивались. 20 июня 1871 г. началось общее решительное наступление семиреченских войск под начальством ген. Колпаковского. После упорных боев 19 июня была взята крепость Чинча-хо-ди, 20 июня сдались крепость Суй-дун, 22 июня без боя заняты Кульджа. Султан изъявил покорность. Так как китайское правительство не могло принять власти, было решено не стремиться к установлению манчжурской власти в занятых областях в данный момент и установить впрямь до передачи их Китаю временное управление царских властей с помощью военных сил Семиреченской области. Весь Илийский край, сообразно этнографическим и географическим условиям, был разделен на четыре участка, и во главе их в качестве представителей власти были поставлены царские офицеры.⁴

Заняв Илийский край, семиреченско-военное начальство стало строить планы дальнейшего движения на Кашгар. Тот самый Полторацкий, который положил начало сношениям с Кашгаром, предлагал теперь (1871/72 г.) отобрать у кашгарцев захваченный ими Урумчи и открыть военные действия против Якуб-бека.⁵ Кауфман, хотя и продолжал жить мыслью о скорейшем походе на Аму-Дарью, выражал, однако, готовность в случае необходимости идти на Урумчи и даже вспоминал при этом Ермака, который «хаживал еще дальше и смелее».⁶

Однако из Петербурга пришла категорическая директива военных действий против Кашгара не предпринимать, ограничившись методом «нравственного» воздействия, охраняя интересы дунган и стараясь отклонить Якуб-бека от завоевания областей северного Тянь-Шаня.¹ Царское правительство остерегалось обострить отношения с Англией из-за кашгарского вопроса, которому англичане уделяли в эту пору исключительное внимание: осенью 1870 г., когда у Кауфмана отношения с Якуб-беком стали натянутыми, а в Кашгар отправлялось посольство Форсайта, в английской печати была поднята бурная кампания против намечающейся новой агрессии царской России.² Русский посол в Лондоне, с своей стороны, просил Горчакова (сентябрь 1872 г.) побудить царя дать туркестанскому начальству «строгие инструкции», в пределах которых оно должно было неукоснительно оставаться.³ К тому же самый факт занятия Илийского края являлся совершенно достаточной мерой воздействия на Якуб-бека, который уже ознакомился с притязаниями англичан и не мог в то же время не понимать, что приближается час решительного столкновения с правительством богдыхана. Поэтому, когда в апреле 1872 г. Кауфман послал в Кашгар кап. Каульбарса подписать торговый договор, аналогичный тому, какой Россия заключила с Бухарой и Коканом, Якуб-бек дал свою подпись без возражений.

Русская торговля могла свободно развиваться в Кашгаре. А сие немного спустя Якуб-бек просил согласия Кауфмана на отправление посольства к царю: «Тогда вы меня ничтожного довели до солища, и на мою долю выпала бы капля из моря».⁴ 4 декабря 1872 г. во исполнение просьбы царского посла в Лондоне было созвано Особое совещание под председательством царя, на котором Кауфман сделал большой доклад по всем основным вопросам царской политики в Средней Азии. Кауфман подводил итоги этой политики: в заключении торговых договоров с Коканом, Кашгаром и Бухарой он видел главное ее достижение. Он отмечал «благоразумие» Худойр-хана, который первый из азиатских ханов понял неизбежность дружбы с Россией и продолжал неизменно доказывать свою «преданность». Овладев годами Зеравшана, Россия гарантировала для себя вечную дружбу со стороны Бухары, не требующую присоединения этого ханства. Установлены были мирные отношения с Афганистаном, стал заявлять о своей преданности правитель Кашгара. Чтобы поднять эти достижения на высшую ступень, Кауфман намечал ряд дополнительных мероприятий: заключение с Коканом нового договора о дополнительных правах и привилегиях русских купцов, о выдаче беглых преступников и о границах, формальное присоединение к империи Зеравшанского округа. В кашгарском вопросе Кауфман предлагал сохранить status quo при условии, если Якуб-бек «будет послушен» и не вмешается в дела Илийской провинции. На случай неизбежного в будущем столкновения китайцев с кашгарцами он предлагал избрать тактику полного неоммательства, принимая в расчет, что, в случае победы китайцев, западно-китайский рынок снова откроется для России, в случае же победы кашгарцев — Кульджа «должна остаться за нами», а на основании заключенного договора Якуб-бек обязан будет «открыть нашим купцам» города Манас и Урумчи.

¹ МИД. Гл. Арх., I—9, 1865—1874 гг., № 14, лл. 49—53.

² Там же, лл. 45—46 — Отношение Кауфмана Стреломуху от 28/XII 1871 г.

³ М. Терентьев. Указ. соч., II, стр. 23.

⁴ МИД. Гл. Арх., I—9, 1868—1873 гг., № 15, лл. 130—136.

⁵ Там же, 1865—1874 гг., № 14, лл. 59—60 — Отношение Гейдена команд. войсками Зап.-Сиб. военн. корпуса от 31/VIII 1872 г.

⁶ Там же, 1867 г., № 16, лл. 57—58 — Письмо Кауфмана Стреломуху от 21/VI 1871 г.

¹ Там же, 1865—1874 гг., № 14, лл. 59—60, 61—64 — Отношение Гейдена Кауфману от 31/VIII 1872 г.

² ЦИНА. ВУА. № 6321. лл. 135—138, 151—154.

³ МИД. Гл. Арх., I—9, 1872—1873 гг., № 125, л. 2 — Всеп. доклад упр. м-вом иностр. дел от 21/IX 1872 г.

⁴ Там же, лл. 4—24.

На ряду с этими достижениями Кауфман констатировал и крупнейший прорыв на одном из участков царской среднеазиатской политики — это «естественный, аномальный и вместе с тем нестерпимый порядок отношений к нам хивинского ханства». Так как все средства «вызвать хивинское правительство на путь благоразумия истощены», остается одно — «штурмом... столицы ханства... поражением главных скопищ хивинских войск... осязательно доказать Хиве и ее досягаемость и ее слабость и, наоборот, силу и мощь России».

Особое совещание приняло предложения Кауфмана по коканскому вопросу. Оно одобрило в основном его политику в Бухаре, не согласившись только с постановкой вопроса о Зеравшанском округе: формального присоединения округа нужно было избежать, фактически же ввести в нем то же управление, как и в прочих областях Туркестанского края. Решение, принятое по делам западного Китая, гласило: «В случае усмирения китайскими войсками восставших областей... Илийская область должна быть возвращена Китаю... Если же китайцы окажутся бессильными выполнить эту программу, то Илийская область должна остаться за нами, так как мы не можем допустить подчинения ее Якуб-беку; что же касается до распространения власти последнего к востоку и северу и до его борьбы с дунганами или китайцами, то мы можем остаться равнодушными к этим событиям, и наше вмешательство не вызывается необходимостью».

Принятое по кашгарскому вопросу решение предопределяло собою ответ и на тот вопрос, который больше всего волновал Кауфмана. Поскольку положение в Илийской провинции было признано прочным и войны с Кашгаром бояться не приходилось, можно было приступить к активным операциям на хивинском участке. Туркестанскому ген.-губернатору поручалось, пользуясь содействием войск Оренбургского и Кавказского округов, предпринять военную экспедицию против Хивы. На него возлагалась ответственность за то, «чтобы хивинское ханство не было присоединено к империи, а было лишь подчинено, наравне с другими соседственными среднеазиатскими владениями, нашему влиянию в видах развития наших торговых интересов». Кауфман должен был только «наказать это ханство и силой заставить его исполнять наши требования».¹

В. ЗАВОЕВАНИЕ ХИВЫ. ПРИСОЕДИНЕНИЕ КОКАНА

Поход на Хиву решили организовать так, чтобы обеспечить успех. Царские войска должны были двигаться на Хиву сразу с четырех сторон: из Ташкента, из Оренбурга, с Мангышлака и из Красноводска. В течение второй половины 1872 г. красноводский отряд под начальством Маркова, сменившего Столетьева, проводил неоднократные разведки и был занят сбором верблюдов. Шедший с Мангышлака отряд под начальством ген. Ломакина вынужден был преодолеть в пути неожиданное препятствие — вспыхнувшее в Бузачах, на почве реквизиции верблюдов, казахское восстание. Соединенные силы казахских войск в количестве 4300 чел. начали свое продвижение к Хиве в начале февраля 1873 г. Длительные поиски верблюдов по безводным пустыням изнурили солдат. Собрать нужное количество верблюдов военному начальству не удалось. Колонны на пути были редки и не оправдывали ожиданий. Растратив силы и изнулив солдат, Марков вернулся в Красноводск. В конце февраля выступил из Оренбурга (из Эмбинского форта) отряд силой в

3400 человек под начальством ген. Веревкина, и тогда же Кауфман повел из Ташкента свой отряд в количестве 4600 чел. И организация похода и условия пути давали оренбургскому и туркестанскому отрядам большие шансы на успех.

Но царскому правительству приходилось в эту пору думать о преодолении не только лежащих на путях к Хиве безводных песков, но и дипломатических препятствий, строившихся в Лондоне. Уже один тот факт, что Россия с 1869 г. вела с Англией переговоры о русско-афганской границе, факт, как бы узаконивший особую роль Англии в решении вопросов, касавшихся Афганистана, являлся серьезным успехом английской дипломатии, ее бескровным реваншем царскому правительству и за Кокан и за Бухару. В десятых числах января 1873 г., когда вопрос о хивинском походе уже был решен, Горчаков, державший все время английского посла в курсе переговоров Кауфмана с Хивой, решил пойти еще на одну уступку Англии: два небольших ханства Бадахшан и Вакхан, до этого времени являвшиеся предметом притязаний эмира бухарского, были включены в пределы Афганистана, который таким образом плотно придвинулся к Аму-Дарье. Вскоре после того в Лондон был послан Шувалов, который должен был предпринять англичан о прекращении похода на Хиву и заверить их в том, что царское правительство не ставит своей целью завоевание Хивы и что военная оккупация Хивы будет непродолжительна. Между тем оренбургский и туркестанский отряды подошли к Хиве. Шедший во главе одного из отрядов Скобелев хотел предпринять штурм и первым овладеть крепостью. Честолюбие Скобелева не получило удовлетворения — хивинцы не сопротивлялись. В тот же день, 29 мая 1873 г., Хива открыла ворота. Хан Мохамед-Рахим II бежал в туркменские степи. Через несколько дней он вернулся. Кауфман сохранил за ним ханское достоинство, заставив признать новую выработанную для Хивы конституцию и подписать предложенные ему условия мирного договора. Мохамед-Рахим шел на все. В своем письме к царю от 1 августа 1873 г., некогда столь строптивый хан, выражая пожелания, «чтобы все тебе подчинялись, ибо ты повелитель всех войск, и чтобы все тебе покорились», писал: «Войска казахские, расположенные у нас, не причиняют ни малейшего убытка моему народу. Туркмены... теперь уже не нападают, и край спокоен».²

Согласно мирному договору от 12/УП 1873 г., хивинский хан лишался права самостоятельных внешних сношений — он мог сношения со своими соседями только через туркестанского ген.-губернатора; институт рабства отменялся; русские суда получали право свободного плавания по р. Аму-Дарье; хивинские и бухарские суда могли плавать только с разрешения царских властей; русские получали право устраивать пристани и фабрики по левому берегу Аму-Дарьи; русские купцы получали право свободной беспопышной торговли в Хиве, а также право владеть недвижимым имуществом; жалобы хивинцев на русских должны были разбираться русским начальством. Хивинские власти обязаны были выдавать России беглых русских преступников. Хива в течение 20 лет должна была уплатить контрибуцию в размере 2,2 млн. руб. Волжан от столицы ханства царскими властями воздвигалось Петро-Александровское укрепление, которое должно было играть роль приставленного к нему часового.³

¹ Там же, 1868 г., № 20, л. 189.

² «История русской армии и флота», XII, стр. 95.

³ МИД, Гл. Арх., I—9, 1872—1873 гг., № 125, лл. 4—24.

Часть хивинских земель, лежавших по правому берегу Аму, была передана царским правительством эмиру бухарскому. За это договором от 28 сентября 1873 г. Бухара предоставляла русским подданным те же права, какие они получили в Хиве; в Бухаре также отменялся институт рабства; разрешалось учреждение постоянного бухарского представительства в Ташкенте и русского — в Бухаре.

Обнародование договоров России с Хивой и Бухарой вызвало новую бурю в Англии. Полного единодушия в английских политических кругах не наблюдалось. Герцог Аргайл даже оправдывал царскую политику в Средней Азии. «Никогда еще, — писал он по поводу похода на Хиву, — война против государя подудкой страны не была более справедлива и более необходима». ¹ В конце 1873 г. эмир Шир-Али отправил в Сямду одного из своих министров для переговоров о той помощи, на какую он мог рассчитывать со стороны англо-индийского правительства. Лорд Нортбрук, вице-король Индии, выразил намерение обещать эмиру, что «под условием его согласия придерживаться советов Великобритании в вопросах внешних сношений ему будут предоставлены, в случае необходимости отразить не вызвавшее им самим нападение, деньги, оружие и войска». ²

Предложение Нортбрука не было принято в Лондоне. Глава кабинета Гладстон, который до этого прилагал немало усилий к заключению англо-русского договора по афганскому вопросу, когда последний вошел в стадию, открывавшую перед Англией перспективу обогащения новой колонией, как сторонник «манчестерской школы», отрицавший пользу (для метрополии) материальных затрат на колонии, отклонил поддерживаемую Нортбруком просьбу афганцев. Позиция Гладстона подверглась критике со стороны оппозиции консерваторов. 9 июля 1874 г. Гладстон пал и был заменен Дизраэли, сторонником агрессивной имперской политики.

Еще в двадцатых числах декабря 1873 г., в период кабинета Гладстона, Гранвилл возобновил свои представления в Петербурге по среднеазиатским делам, требуя от России признания независимости Афганистана и ставя вопрос о гарантиях неприкосновенности Мерва. Горчаков повторил свои старые заверения в том, что считает Афганистан вне сферы русского влияния, но отказался признать за Англией право вступаться за Мерв и за туркмен (21 января 1874 г.). ³ Тогда же (в декабре 1873 г.) снова отправлялось посольство Форсайта в Кашгар, которое везло новый транспорт оружия. Якуб-бек возобновил репрессии против русских купцов.

После смены английского кабинета переговоры между Лондоном и Петербургом о нейтральной зоне продолжались. Дербн отстаивал полную свободу действий Англии в отношении Афганистана (25 октября 1875 г.). Отказавшись от идеи о нейтральной зоне и подтверждая незаинтересованность России в афганских делах (8 февраля 1876 г.), Горчаков сохранял в целом (в вопросе о Мерве и туркменах) за Россией свободу действий. Переговоры не дали результатов. Но становилось очевидным, что Россия не отказывается от продолжения активной политики в сопредельной с Хивой Туркмении, а Англия не оставит Афганистан в покое. Еще в январе 1875 г. новый статс-секретарь по делам Индии Солсбери поставил прави-

тельство эмира в известность о желании королевы иметь в Афганистане своих резидентов. Связанный обещаниями, данными ранее эмиру, лорд Нортбрук вышел в отставку и был заменен на посту вице-короля Литтоном. Английские агенты действительно работали над укреплением нежелательного влияния Англии в Бедулджистане, чтобы дать возможность англо-индийским войскам расположиться на южном склоне афганского плоскогорья. Англо-индийские войска посылались для занятия Кветты.

В английском военном министерстве разрабатывался (1876 г.) план войны с Россией, предусматривавший посылку, по соглашению с вассальным афганским эмиром, 60-тысячной ост-индской армии на будущий малоазиатский театр войны. ⁴ В этом плане для англичан особенно важное значение приобретали Кандагар и Герат, как ворота в Индию и из Индии.

И Англия и Россия стояли еще в Средней Азии перед рядом неурегулированных прений. «Англичане поставили караул, — говорил Шир-Али по поводу занятия Кветты, — у задней двери моего собственного дома, чтобы ворваться во время моего собственного сна». ⁵ Хорошо зная о том, что Англия, поддерживая его, одновременно поддерживает и его соперников и заинтересована в ослабленном и раздробленном Афганистане, он приходил к заключению, что «дружба англичан есть слово, написанное на льду». «Теперь, ваше величество, — писал он турецкому султану 7 января 1876 г., — имеете возможность убедиться собственным опытом, как мало надо верить в их дружбу, и вы видите, что англичане постоянно оставляют своих друзей в их несчастьях на произвол судьбы... Считаю своим долгом просить покорнейше ваше величество отстранить всякий союз с Англией и вступить в соглашение с Россией». ⁶

События, развернувшиеся в 1875 г. в Коканском ханстве, толкнули царское правительство еще на одну военную операцию в Средней Азии. В то время как Бухара и Хива, потерявшие полный военно-политический разгром, были в качестве вассальных владений уже крепко привязаны к Российской империи, Коканское ханство, избежавшее, благодаря приспособленческой политике Худояр-хаана, окончательного разгрома и сохранившее в неприкосновенности свою столицу Кокан, пользовалось большей формальной самостоятельностью, и в области внутреннего управления находилось в более слабой фактической зависимости от России.

Коканский хан Худояр, легко пошедший на сделку с завоевателем, не был популярен среди населения ханства. Липнившие с потерей Ташкента, Ходжента, Ура-Тюбе и других городов многих своих доходов, Худояр компенсировал свои убытки поборами и усиленной эксплуатацией крестьянства. В середине июля 1875 г. в окрестностях Ургента вспыхнуло народное восстание. Во главе восставших стоял казах Пулат-хан и один из придворных военных чинов Абдурахман-автобачи. Восставшие двинулись на Кокан. Худояр-хан бежал под покровительство царских генералов. Феодальная верхушка провозгласила ханом сына Худояра Наср-Эддина. Одновременно с походом на Кокан восстание вторглось и в бывшие коканские земли, отомеднившие к России. Ходжент был окружен восставшими. Сообщение с Ташкентом было прервано. Был провозглашен газават. Кауфман воспользовался восстанием для разгрома остатков старых

¹ Argyn. The eastern question, VII, p. 308.

² Д-р Руиер. Указ. соч., стр. 78.

³ А. Татищев. Соч., II, стр. 114—130; W. Habberton. Anglo-Russian Relations concerning Afghanistan 1837—1907, Urbana, Illinois Univ., 1937.

⁴ Л. Соболев. Англо-афганская распря, стр. 512, СПб., 1882.

⁵ М. Токментаев. Указ. соч., II, стр. 321.

⁶ Mayer and Paget. Afghanistan, its political and military History, p. 191, London, 1879.

привилегий Коканского ханства. Он двинулся во главе большого отряда на Ходжент, освободил осажденных и 22 августа под Мохрамом разбил главные силы восставших. Кокан открыл ворота царским войскам. 25 сентября 1875 г. с Наср-Эддином был заключен мирный договор, по которому все земли Коканского ханства по правому берегу Сыр-Дарьи переходили к Российской империи.

Соглашение с коканской феодальной верхушкой мало изменило положение. Повстанческое движение продолжало расти. Вся восточная часть ханства представляла собою бурлящий котел. Абдурахман-автобачи сосредоточил в Андижане до 70 тыс. человек. Двинувшийся на Андижан отряд ген. Троцкого потерпел поражение. Кокан был снова в руках восставших. Наср-Эддин велел за своим отцом бежал под покровительство царских генералов. Кауфман послал карательную экспедицию под начальством ген. Скобелева. Огнем и мечом прошел отряд Скобелева по всей Ферганской долине в зимние месяцы 1875/76 г. В январе 1876 г. он взял Андижан. С отрядом из 400 всадников был взят в плен Абдурахман-автобачи, затем был постигнут и вождь народного восстания Пулат-хан. 19 февраля 1876 г. было объявлено о ликвидации Коканского ханства и об образовании из его земель Ферганской области в составе Туркестанского генерал-губернаторства. Ликвидацией Коканского ханства закончилось завоевание царской Россией среднеазиатских ханств в восточной части Туркестана.

К моменту своего активного выступления на Ближнем Востоке царская Россия подходила с существенными достижениями на среднеазиатском плацдарме. Отсталые феодальные государства, взаимно ослаблявшие друг друга постоянными войнами, с необученными, в подавляющей массе нерегулярными, войсками, вооруженными старинными пушками, кремневыми ружьями, главным же образом холодным оружием, не могли противостоять европейски обученной и вооруженной армии могущественного государства.

Другая могущественная держава, которая пыталась бороться с продвижением царской России в Средней Азии, вступала в эту борьбу, преследуя — и это становилось ясным среднеазиатским народам — собственные агрессивные цели. Продвигаясь к северу от Инда и дойдя до хребта Гиндукуша, Англия оказалась не в силах прорваться в бассейны рек Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. Продолжая зорко следить за действиями своего соперника в туркменских степях на путях к Герату, она готовилась встретить его на главном театре борьбы — в пропятих — и при первом удобном случае сделать новый прыжок в сторону Афганистана.